200 лет Сараты:
Бессарабия в эпоху перемен

Юбилейное издание

посвященное 45-му съезду

Ассоциации бессарабских немцев

(Bessarabiendeutscher Verein e.V.)

Содержание

Предисловие

Предисловие председателя Бригитты Борнеманн 3

Приветствия

- Приветствие бывшего Президента ФРГ проф. Хорста Кёлера 5
- Приветствие главы Саратской громады Виктории Райчевой 7

История Сараты

- Игнац Линдл - харизматичный основатель общины Сарата 9
  Johannes Moosdiele-Hitzler
- Церковь Сараты. Thomas Krüger 15
- Школа Вернера - педагогическая семинария Бессарабии 19
  Anne Seemann
- Приют Александра. Hartmut Knopp 27
- Об экономическом развитии Сараты. Hans Rudolf Wahl 32
- Культурная жизнь. Развитие клубов и ассоциаций. Heinz Fieß 37
- Музей немцев колонисты Бессарабии в Сарате. Olaf Schulze 45

Сарата сегодня

- Что означает Сарата для нашего поколения? 52
  Hiltrud Elbert-Fano
- Историко-культурное наследие Сараты как основа развития
  туризма. Любовь Клим 56

Экскурс

- Швейцарская колония Шабаг - Шабо, год основанния 1822 62
  Ingo Rüdiger Isert

План общины Сарата 1940 г. 68

Отпечаток 69

Предисловие

"200 лет Сараты: Бессарабия в эпоху перемен" - девиз нашего 45-го национального форума - звучит просто, но в нем есть глубина. Поводом послужило 200-летие села Сараты, которое было основано в 1822 году немецкими переселенцами в степи на юге России. 200 лет - это период времени, который располагает нас к тому, чтобы взглянуть на регион Бессарабии в целом с исторической точки зрения. Данная юбилейная публикация, способствуя этому, описыват значение Сараты для региона в прошлом и сегодня. Экскурс по бессарабскому швейцарскому селению Шабо, которое также отмечает свое 200-летие, дает представление о разнообразии колонистских поселений. При составлении материалов мы также заметили пробелы в наших знаниях; нам особенно не хватало исследований по социальной и экономической истории.

У Сараты есть нечто особенное, что отличает её от других немецких селений исторической Бессарабии. Согласно идеям отцов-основателей Линдла и Вернера, она должна была стать первохристианской общиной с коллективной собственностью От этого эксперимента, который до сих пор заметен в планировке поселка, вскоре отказались. То, что от него осталось, тем не менее, замечательно: первая евангелическо-лютеранская церковь в Бессарабии, школа Вернера, как единственная немецкоязычная семинария по подготовке учителей и Александровский приют, как первое и образцовое диаконическое учреждение на юге России.

Сарата превратилась в культурный центр немцев в Бессарабии. В школе Вернера обучались церковные учителя, которые давали жителям самых дальних сёл христианское и светское образование. Здесь же в 1922 году, 100 лет назад, был создан первый культурно-исторический музей немецких колонистов Бессарабии. В то время это была еще новая идея - рассматривать немецкие поселения региона, как одно целое.

Сарата представляет собой многое, чем мы, бессарабские немцы, гордимся, хотя и с капелькой горечи. Ведь Сарата тоже поддалась соблазнам национал-социалистического движения обновления в 1930-х годах. Эта идеологическая дегенерация, особенно среди образованных людей, должна напоминать нам о себе и сегодня.

Сегодня Сарата - украинский городок. Немцы были переселены во время Второй мировой войны, а в советское время о них вообще хотели забыть. Но бессарабские немцы не забыли свою прежнюю родину. Вот уже 30 лет, с тех пор как это снова стало возможным, мы, потомки, посещаем селения наших предков. Мы приезжаем не только как тоскующие по родине туристы, мы также поддерживаем хорошие отношения с людьми, живущими там сейчас, привозим гуманитарную помощь и поддерживаем социальные и культурные проекты. В процессе работы мы встретили новое поколение украинцев, которые проявляют значительную гражданскую активность. Сарата снова стремится к лидерству в регионе, и её вдохновляет память о немецких основателях этого поселения. От нас, бессарабских немцев, теперь ждут не благотворительности, а совместной партнёрской работы. Мы рады этому.

Эта торжественная публикация отражает положение дел на конец 2021 года. С тех пор приоритеты сместились в связи с агрессивной войной России против Украины. Борьба за свободу и повседневное выживание находятся в центре внимания, в том числе и в Сарате. Внешний враг скрепляет многонациональную Украину. Бессарабские немцы также продолжают поддерживать свою малую родину и оказывать помощь там, где она необходима.

Мы очень рады, что, несмотря на нестабильную ситуацию, можем принять небольшую делегацию из Сараты на праздновании юбилея 19 июня 2022 года в Штутгарте. Для нас это знак уверенности в том, что Украина победит в своей героической борьбе. Мы молимся об этом.

Мир Украины !!

Бриджит Борнеман
председатель ассоциации

В июне 2022 г.

Приветствие бывшего федерального президента проф. д-ра Хорста Кёлера

Ностальгия часто вызывает недоверие. И разрушительная сила, которую может вызвать скорбь по прошлому величию в худшем случае, стала ужасающе очевидной после того, как 24 февраля 2022 года президент Путин приказал напасть на Украину. Это явный отход от принципа силы закона и серьезный регресс к временам, когда применялся закон более сильного.

Ностальгия не должна быть губительной. Она может быть целебной и конструктивной. Она исцеляет, когда не пытается силой восстановить то, что якобы или на самом деле когда-то было, а помогает представить то, что сформировало нас, даже если это безвозвратно утеряно. Ностальгия конструктивна, когда она смотрит в будущее с полным осознанием того, что было потеряно, и помогает улучшить настоящее.

Именно так я воспринимаю работу Бессарабского немецкого союза и его предшественников. Документируя историю, культуру и традиции бывших немецких жителей Бессарабии на протяжении более семи десятилетий и налаживая связи, вы дали бесчисленному количеству бессарабских немцев и их потомкам важное чувство происхождения и тем самым сделали их внутренне сильными, как сказал немецкий философ Одо Марквард: "Будущее нуждается в происхождении"! Я сам, например, узнал больше о жизни своих родителей в Бессарабии только благодаря кропотливой архивной работе почетного председателя Федерации Инго Р. Изерта.

Ассоциация бессарабских немцев культивирует позитивную ностальгию: смирившись с тем, что места поселения предков сегодня принадлежат Республике Молдова и Украине, и в то же время утверждая сотрудничество и обмен на основе прочной солидарности. Готовность помочь была и остается огромной: от облегчения личных трудностей до долгосрочных проектов, таких как ремонт детских садов, школ и больниц или помощь в обеспечении питьевой водой. То, что во многих десятках населенных пунктов установлены памятники в честь основания немцами, что местные юбилеи часто отмечаются вместе с потомками бывших немецких жителей, что многие бессарабские немцы остались верны "своему" родному селу и часто не афишируют свою очень частную поддержку - все это большое благо, и я благодарю их за это.

Новая война в Европе принесла неизмеримые страдания жителям Украины и вызвала огромный поток беженцев. И не придется ли нам снова беспокоиться о Молдове? Работа Бессарабской немецкой ассоциации может помочь в том, чтобы чувство бессилия не овладело людьми, и чтобы они ощутили европейскую солидарность и активную помощь. Важным сигналом стало то, что в начале марта Молдову посетила министр иностранных дел Анналена Бербок и пообещала поддержку. Мы не должны забывать эту часть Европы. Многие слишком мало знают о богатой событиями истории этого

региона, который в свое время принадлежал Османской империи, затем Российской империи, позже Румынии и, наконец, Советскому Союзу до его распада. Девиз вашего 45-го съезда "200 лет Сараты - Бессарабия в период перемен" является конкретной иллюстрацией этого.

Ассоциация бессарабских немцев делает всем нам важное предложение - пережить историю Европы во всей ее амбивалентности вместе с историей Бессарабии: не только как история, которая лишила миллионы людей контроля над собственной судьбой и сделала их фигурами в игре великих держав и идеологий, но и как история разнообразия народов, языков, религий и культур, которая черпает свое богатство из мирного сосуществования и постепенной ассимиляции.

Пусть 45-й Федеральный съезд Бессарабско-немецкой ассоциации напоминает нам о том, что мир, свободу и самоопределение необходимо снова и снова отстаивать и защищать. И это, пожалуй, самый глубокий урок бессарабско-немецкой истории: новое начало всегда и многократно возможно.

Хорст Кёлер
бывший федеральный президент
В мае2022 г.

Приветствие главы Саратской громады Виктории Райчевой

Здравствуйте, уважаемая госпожа Бригита Борнеман,

уважаемые члены Общества бессарабских немцев!

Обращается к Вам руководство Саратской громады, в лице - Райчевой Виктории.

В наших бывших районах - Саратском, Татарбунарском, Арцизском, Тарутинском, Болградском, Белгород-Днестровском - много старых, исторических, немецких поселений. К нам с удовольствием на протяжении многих десятилетий приезжают немецкие туристы, общаются с людьми, помогают многим городским и сельским советам, школам, детским садам, больницам, медицинским пунктам, отдельным семьям. Давно уже стало доброй традицией - ежегодно весной и осенью к нам, в Бессарабию, приезжают гости из Германии. Многие из них хотят побывать в своих родных местах - погулять улицами родных городов, селений. Их всегда радушно встречают местные жители, щедро угощают всевозможными блюдами, хозяйки стараются удивить изюминками национальной кухни.

Много десятилетий наш Саратский район сотрудничает с Обществом бессарабских немцев в городе Штуттгарте. Очень тесные связи поддерживала Лихтентальская община Общества бессарабских немцев, под руководством её многолетнего руководителя господина Куно Люста (к сожалению, ныне покойного) - с жителями села Светлодолинское.

Около 50-лет, будучи гражданином Германии, приезжал в наши края, в свою родную Бессарабию, человек легендарной судьбы, наш дорогой и всеми любимый Эдвин Кельм (к сожалению, ныне покойный). И каждый его новый приезд - это была не просто поездка - экскурсия. На протяжении 25 лет господин Эдвин Кельм возглавлял Общество бессарабских немцев в Германии. Усилиями этого общества во главе с господином Кельмом, и в большой степени на его собственные средства, в Бессарабии восстановлено много храмов, архитектурных и исторических памятников, построен прекрасный храм в г.Белгород -Днестровском, восстановлена немецкая кирха в нашем родном поселке Сарата. Теперь - это самое красивое здание нашего поселка. На средства господина Э.Кельма построена и успешно работает больница в селе Шабо.

Неоценимый вклад в развитие наших плодотворных дружеских связей внесли также очень активные представители Общества бессарабских немцев - Гюнтер Фосслер, Куно Люст, Эдуард Шлаух, Вернер Шефер, Зельма и Герберт Хаблицель. К сожалению, на данный момент они все покойные. Мы очень благодарны им и всегда будем хранить добрую память об этих прекрасных друзьях наших городов и сёл.

Последние два года, из-за COVID-19 наши тесные отношения поставлены на паузу. Как и во всех странах мира, мы испытываем трудности передвижения, есть многочисленные

ограничения. Несмотря на сложности, мы смотрим в будущее с оптимизмом. В нашей стране сейчас идут всевозможные преобразования. Произошли изменения в административном устройстве. Сейчас на базе нашего Саратского района созданы и успешно работают несколько территориальных громад.

Я, Райчева Виктория и моя команда, хотим продолжать и укреплять наши наработанные десятилетиями, дружественные контакты на всех уровнях, и прежде всего в культурном и гуманитарном аспектах. Как руководители Саратской громады, мы будем очень рады провести совместное празднование юбилея поселка Сарата.

В марте 2022 года наша громада будет отмечать 200-летие основания нашего поселка. Дополнительно предусматривается праздник для туристов в начале сентября. Будем очень рады встрече делегации из Германии. Программа будущего праздника уже разрабатывается, и в ближайшее время мы пришлём Вам перечень наших праздничных мероприятий.

Мы, руководители громады, постараемся вместе с представителями Общества бессарабских немцев из Германии, сделать наше совместное празднование юбилея 200-летия Сараты целостным, содержательным и эмоционально позитивным торжеством. Очень надеемся на продолжение дружественных контактов и взаимный, всевозрастающий духовный интерес между нашими народами.

С уважением,

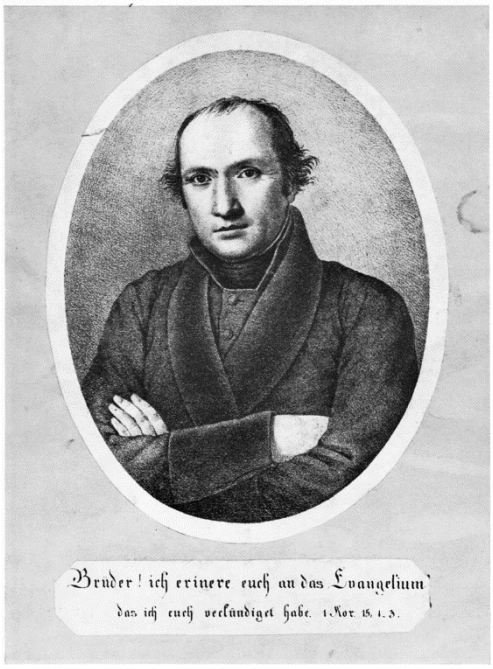
В. РАЙЧЕВА
Саратский поселковый голова

В декабре 2021 г.

Игнац Линдл- харизматичный основатель общины Сарата

Йоханэс Мосдиеле-Хицлер (Johannes Moosdiele-Hitzler)

В период основания [...] Сараты группа рабочих из других колоний в поисках работы приехали в Сарату и лично познакомились с пастором Линдлом и его людьми и распространили славу об этом необычном проповеднике. Чтобы убедиться в этом, многие отправились туда и вернулись с восторгом и радостью, а репутация и похвалы в адрес Линдла и Сараты возросли. Действительно, между Линдлом и другими пасторами была дистанция, как между небом и землёй. [...] Жители Сараты также излучали приятный мир и услужливую любовь, которые прогоняли всякую грубость. Служба в красивом, просторном молитвенном зале была [...] для гостей Сараты чем-то настолько неслыханным и привлекательным, что им казалось, будто они находятся на небесах, среди ангелов. [...] Хотя Линдл редко проповедовал за пределами Сараты, о нем все говорили, и очень многие люди желали его услышать. Поэтому по субботам можно было видеть вереницы повозок, заполненнных людьми, и отдельных пешеходов, спешащих из колоний в Сарату на проповедь. Часто молитвенный зал в Сарате не мог вместить всех слушателей, и Линдл проповедовал с высокого балкона пасторского дома или с кучи досок. Тысячи слез текли во время проповеди Линдла, сотни людей пробуждались и каялись.[1]



Летописец Сараты Вильгельм Клудт в своем описании ничего не преувеличивает. Его впечатления о необычайном красноречии и харизме Игнаца Линдла подтверждаются как свидетельствами других очевидцев, так и официальными отчетами с прежних мест его работы в общинах Аугсбурга, Баиндлькирха и Гундреммингена. Так, более поздний мюнхенский профессор Иоганн Непомук Рингсейс уже в 1816 году писал о своем посещении Баиндлькирха: "*Времена первых апостольских общин вернулись. Блудники, пьяницы, игроки, мошенники стали благочестивыми и преисполнились веры и любви, служанки и слуги совершенно преобразились, облагородили лица и проявили такое понимание святых писаний, перед которым мне пришлось склониться со стыдом и умилением.*"[2] Работник

[1] Kludt, Wilhelm: Die Deutschen in Bessarabien in ihrem sittlichen und religiösen Zustande bis zum Jahre 1861, Odessa 1900, S. 16-19.

[2] Johann Nepomuk von Ringseis an Friedrich Karl von Savigny, 18.05.1816, abgedruckt bei Ringseis, Johann Nepomuk von: Erinnerungen des Dr. Johann Nepomuk von Ringseis, hg. v. Emilie Ringseis, Bd. 1, Regensburg/Amberg 1886, S. 324.

из гернгутской общины Иоганн Даниэль Зюль, посетив проповедь Линдла в день Вознесения 1819 года в Гундреммингене, сказал, что *для него это было все равно, что услышать проповедь доктора Лютера с католической кафедры*,[3] а духовный брат Линдла Мартин Боос даже провел сравнение с самим Христом: к*ак когда-то в Копернаум приезжали послушать Иисуса, так и в Гундреминген едут со всех городов, чтобы послушать Линдла*[4].

Игнац Линдл, без сомнения, может считаться не только самым успешным, но и самым противоречивым приверженцем так называемого "движения пробуждения" Альгоя. Будучи единственным движением религиозного обновления, вышедшим из католицизма, оно стало уникальным явлением в Европе XIX века. Его вдохновителем был Иоганн Михаэль Зайлер (1751-1832), который с 1784 по 1794 год преподавал в Диллингенском университете, "кузнице кадров" католической Швабии. Под влиянием его освежающей нетрадиционной теологии, которая была ориентирована на внутреннюю жизнь и примирение и преодолевала догматические рамки, а также конфессиональные противоречия, к 1800 году выросло поколение молодых священнослужителей, которые поставили в центр своих размышлений личность и искупительную любовь Христа. Благодаря восприятию мысли эпохи Просвещения и, прежде всего, близости к Евангелию, которое до тех пор было чуждо католической конфессии, это новое духовное течение продемонстрировало беспрецедентные пересечения с протестантизмом, что очень не понравилось официальной католической церкви. Зайлер был уже низложен в Диллингене из-за своего революционного учения; три самых известных деятеля движения пробуждения в Альгое - Мартин Боос, Йоханнес Госснер и Игнац Линдл - перешли в протестантскую церковь из-за всевозможных внутрицерковных распрей, но в конечном итоге по убеждению.

Учение Линдла занимает особое место в движении пробуждения. Он разделял распространенную в то время в пиетистских кругах Швабии идею о скором наступлении Тысячелетнего царства Христа на земле, которому, как сказано в Откровении Иоанна, будет предшествовать страшное время гонений и притеснений, и что выжить в этих испытаниях Антихриста можно будет только путем открытого и безоговорочного обращения ко Христу. Неблагоприятные обстоятельства того времени - наполеоновские войны, свержение тысячелетнего порядка, который Французская революция считала Богом данным, и конец священной Римской империи, голод и массовая эмиграция в 1816/17 годах - казалось, доказывали правоту этой идеологии, называемой хилиазмом или милленаризмом, восходящей к вюртембергскому прелату и церковному учителю Иоганну Альбрехту Бенгелю (1687-1752). Таким образом, движение, вдохновленное мистико-апокалиптическими идеями, начатое Линдлом, взаимодействовало с евангелическими движениями пробуждения, которые в то время выросли из швабского пиетизма. Связь с пиетистскими кругами должна была стать залогом быстрого надрегионального и межконфессионального распространения учения Линдла и успеха эмиграции его последователей в Бессарабию. В течение очень короткого времени религиозный энтузиазм и эмиграционная лихорадка приобрели такие масштабы в пограничном районе Баварии и Вюртемберга вокруг Лауингена, Гиенгена и Гюнцбурга,

[3] Unitätsarchiv Herrnhut, R.19.B.l.8, Nr. 82.

[4] Boos an Anna Schlatter, 20.10.1819, abgedruckt bei Goßner, Johannes (Hg.): Martin Boos, der Prediger der Gerechtigkeit, die vor Gott gilt. Sein Selbstbiograph, Leipzig 1831, S. 383.

что люди стали опасаться за общественный порядок. Из-за пограничного, межконфессионального и межклассового характера "Линдлиаская секта", как ее называли в церковных и правительственных кругах, была сложной для восприятия. Тогда, как и сейчас, феномен Линдла, влияние которого на его ближайшее окружение до сих пор поражает, не поддается четкой классификации.

Игнац Линдл родился 6 октября 1774 года в семье владельца постоялого двора в Байндлькирхе, расположенном между Аугсбургом и Мюнхеном. После ранней смерти матери он рос у тети в соседнем поместье Байерцель и посещал школу в Эгенбурге. После окончания учёбы в бывших Иезуитских колледжах Аугсбурга и Диллингена он, в восрасте 28 лет, вернулся на родину в качестве капеллана в июне 1799 года и сменил там приходского священника в 1802 году. Игнац зарекомендовал себя, как особо одаренный, решительный и деятельный служитель, а стиль его работы был современным. Переломным моментом в жизни Линдла стало его знакомство с Иоганном Михаэлем Зайлером, которое устроил капеллан Мартин Фёльк (1787-1848). Толчком к пробуждению Линдла, вероятно, послужила проповедь Зайлера во время первого служения Фёлька в Баиндлькирхе на Рождество 1812 года. Линдл писал об этом так: "*В течение десяти лет я провозглашал святые Божьи заповеди с кафедры среди громов и молний, но без плода, без обращения ко Христу, без преображения слушателей. [...] В 1812 году, по милости Господа, меня впервые осенил свет Евангелия, которое я еще не умел отличать от Закона (Ветхого Завета). Я понял, что запрягал лошадей колесницы Божественной истины не в ту сторону; вот почему я всегда ехал назад, а не вперед. Оживленный этим осознанием, я начал проповедовать людям Евангелие, или Христа - Духа животворящего, Спасителя мертвых и Блаженного, - и с первых же слов этой проповеди Дух Божий начал действовать в сердцах слушателей.* "[5]

Сразу же после этого Линдл задумался об обращении и предпринял поездку по пиетистским кругам Швабии, которая привела его в Христианское общество в Базеле и к Иоганну Генриху Юнг-Штиллингу (1740-1817). Благодаря своим популярным хилиастическим трудам Юнг-Штиллинг уже тогда считался "патриархом пробуждения", чьи мысли о последнем времени Линдл теперь полностью принял. С тех пор Линдл начал проводить в Баиндлькирхе собрания пробуждения, которые, как и его проповеди, были очень популярны; говорят, что села в округе становились в тот час безлюдными. Он произносил свои речи, которые часто длились по нескольку часов, без плана, совершенно свободно, от сердца,[6] с таким чувством, выразительностью и иногда с экстатической страстью, что его слушатели были тронуты до слез и, как говорили, падали в обморок. В связи с приближением Тысячелетнего Царства Линдл призывал к обращению и освящению и все больше склонялся к межконфессиональной концепции общины Моравских братьев. После жалобы одного из коллег епископальный ординариат в 1817 году начал дисциплинарное расследование против "смутьяна" и нарушителя спокойствия. Линдл был посажен на несколько месяцев под арест в Аугсбурге, чтобы он мог отойти от своего восторженного упоения. В конечном итоге

[5] Lindl, Ignaz: Der Kern des Christenthums in fünf Predigten vorgetragen, Dillingen [3][1827], S. IVf.

[6] Salat, Jakob: Versuche über Supernaturalismus und Mysticismus. Auch ein Beytrag zur Kulturgeschichte der höhern Wissenschaft in Deutschland, Sulzbach 1823, S. 518.

Линдл получил строгий выговор и был переведен в мае 1818 года в отдалённый приход Гундремминген.

Во время тюремного заключения Линдл активизировал свои апокалиптические взгляды и написал брошюру под названием *"Leitfaden zur Erklärung der Apokalips" (Руководство к объяснению Апокалипсиса),*[7] которая заставила его с еще большим рвением приступить к работе на новом месте и оказала гораздо большее влияние. В январе 1819 года правительство получило первое донесение на Линдла. Барон фон Бёнен, владелец соседнего поместья Бехинген ан дер Бренц, заметил, что к Линдлу *стекались люди [...] со всего региона, причем настолько, что католические и лютеранские церкви в окрестностях пустели; [...] даже из Аалена, который находится в 8 часах езды, приезжали люди; [...] они называли его пророком. [...] Задушить такое помрачение в зародыше заслуживает тем более внимания правительства, что сходящиеся со временем люди не только занимают себя религиозными рассказами [...], но и спесивы [...] во всем [...] и всегда в ущерб начальству [...]*[8] Тем не менее, Линдл смог продолжать свою работу без контроля со стороны местных властей еще 9 месяцев, пока, наконец, не вмешалось руководство церкви. После того, как он якобы назвал ортодоксальных католических священников *орудиями ада [...] для распространения и поддержания царства тьмы,* а Папу Римского - лжеучителем, 6 октября 1819 года Линдл был снят с должности. Следуя примеру Госснера, 18 октября Линдл покинул Баварию и отправился ко двору царя Александра I в Санкт-Петербург, который под влиянием баронессы Юлианы фон Крюденер (1764-1824) за полгода до этого предложил ему место пастора в Мальтийской церкви. Там Линдл вскоре завоевал расположение влиятельных лиц, таких как министр просвещения князь Александр Голицин (1773-1844). Уже в следующем году Линдл был назначен католическим пробстом (деканом) Одессы, откуда он рассылал эйфорические письма своим последователям в Баварии и Вюртемберге, призывая их к эмиграции. В пустынных степях Бессарабии он хотел реализовать свою идею братства, основанного на модели первоапостолькой церкви.

Центром широкой организационной связи Линдла был купец Кристиан Фридрих Вернер в Гиенгене, который также руководил подготовкой к эмиграции людей Линдла. Вопреки ожиданиям правительственных и церковных кругов, движение Линдла получило новый импульс после его отъезда. Уже 11 августа 1820 года 25 семей из Вюртемберга отправились в путь в Одессу с разрешения своего правительства. В отличие от этого, его последователи в Баварии испытывали сильные ограничения со стороны властей. Но ни разумные доводы, ни предупреждения, ни запреты, ни принудительные меры не смогли повлиять на них. Ключевую роль сыграли активисты пробуждения в Бехингене, расположенном прямо на границе с Вюртембергом, которые, несмотря на строжайший полицейский надзор, незаметно переправляли письма Линдла через государственную границу и действовали как связные среди его баварских учеников. Линдлу удалось их убедить, поскольку они были бывшими приверженцами пиетистки Франциски фон Хоэнхайм (1748-1811). Прошел еще целый год, прежде чем правительство Баварии, чтобы восстановить спокойствие, в итоге уступило упорству эмигрантов и настояниям

[7] [Lindl, Ignaz:] Leitfaden zur Erklärung der Apokalips für jene, die sie mit Nutzen und Seegen lesen wollen, Augsburg 1817 (Manuskript im Pfarrarchiv Bächingen).

[8] Staatsarchiv Augsburg, Herrschaft Bächingen Amtsbücher und Akten 9, Böhnen an die Regierung des Oberdonaukreises, 03.01.1819.

местных властей позволить им переехать,. 31 июля и 5 сентября 1821 года соответственно баварские приверженцы Линдла, всего 39 семей, отправились с рыночной площади Лауингена в Бессарабию двумя колоннами, к которым присоединились еще пять семей из Вюртемберга. Последняя колонна из семи семей и нескольких частных лиц последовала 24 июля 1822 г. Сам купец Вернер прибыл в Сарату вместе со своим компаньоном Готлибом Фейгелем в 1823 г.

В начале 1822 года Линдл получил участок казённой земли для основания своей колонии на побережье реки Сарата. До этого его последователи нанимали жильё в Одессе и её окрестностях в самых скудных условиях, поэтому некоторые из них вернулись на родину разочарованными и нищими. 19 марта 1822 года поселенцы прибыли к месту назначения. Иоганн Якоб Фридрих Зеесле (1794-1831) из Бехингена, первый учитель Сараты, описывает закладку первого камня в основание молитвенного дома 11 мая 1822 года: *"Из наших землянок вся процессия торжественно направилась к месту, где планировалось основать наше селение. По дороге пели торжественный псалом: "Сияй Сион, сияй в свете! " После пения все с тихой молитвой подошли к месту. Там уже был сооружен небольшой алтарь из камней, а рядом с ним был установлен краеугольный камень. Отец Линдл встал за алтарем, а остальные расположились вокруг него. Когда все стихло, отец Линдл пали ниц, а все присутствующие молча поклонились Господу. После этого отец Линдл встал на колени и в таком положении молился от всего сердца и с такими проникновенными слезами, что ни одна душа не осталась равнодушной; даже русские каменщики, не понимающие нашего языка, разрыдались! О, что это было за зрелище?! […] После проповеди, с молитвой и песней во имя Триединого Бога, сначала отец Линдл, а затем остальные, молодые и старые, родители и дети, троекратным ударом молота заложили краеугольный камень. По окончании церемонии мы помолились и с пением отправились в обратный путь. По прибытию к нашим землянкам люди снова стали в круг, а отец Линдл произнес еще одну проповедь, и братстский союз был закреплён рукопожатием. Этот день был для нас особым днем благодати и останется незабываемым для нас и наших детей."*[9]

По идее Линдла, Братство должено было упразднить различия между конфессиями следуя примеру Моравских общин. С введением коллективной собственности Линдл, являясь духовным и светским лидером нового поселения, шагнул еще дальше. В то время как экономическая ситуация в период поселения была полна лишений и трудностей, религиозная жизнь Сараты, напротив, процветала под руководством Линдла и, как было описано вначале, распространялась и на соседние колонии. Несмотря на очевидные симпатии в ведущих правительственных кругах, Линдл был многократно осуждён католическим руководством за свою евангелическую деятельность. Кроме того, его брак с экономкой Елизаветой Фёльк (1789-1841), сестрой его бывшего капеллана, состоявшийся уже в 1820 году, больше нельзя было держать в тайне. В декабре 1823 года Линдл был выслан царем из страны.

После выссылки Линдл уехал в Берлин, где в феврале 1824 года он перешел в протестантскую веру. Благодаря своим контактам с Христианским обществом, он получил должность учителя в миссионерском заведении и помощника священника в

[9] Johann Jakob Friedrich Seeßle an Georg Friedrich Gäßler, 27.05.1822, ediert bei Moosdiele-Hitzler, Konfessionskultur, S. 588f.

Бармене (Вестфалия). В 1829 году ему было отказано в приёме на должность пастора недавно основанной братской общины Корнталя в Вюртемберге. Линдл оставался неутомимым искателем, чей необузданный дух не мог вписаться ни в одну систему. В итоге он присоединился к сепаратистской, апокалиптическо-теософской секте назаретян. В течение всей своей жизни он поддерживал связь со своими бывшими прихожанами в России, так и не увидевшись с ними. Игнац Линдл умер в Бармене 31 октября 1845 года в возрасте 71 года.

Оценка личности и влияния Линдла зависит от от человека и его точки зрения. Католическая церковь не простила мистика Линдла. "O si non natus fuisses!", - пометил позже один из католических священников в Баиндлькирхе рядом с записью о крещении Игнаца Линдла. Однако идеи Линдла имели долгосрочный эффект в других областях. Говорят, что молодой Фридрих Энгельс (1820-1895), сын барменского фабриканта, был вдохновлен философскими размышления Линдла о христианском коммунизме. Молодой баварский теолог Вильгельм Лёэ (1808-1872), которому впоследствии было суждено внести большой вклад в повышение авторитета баварской государственной церкви, читал труды Линдла. Самым большим достижением Линдла стало основание Сараты, которая превратилась в образцовую немецкую общину Бессарабии. Жители Сараты сохранили благородную память о своем отце-основателе и передают ее из поколения в поколение.

Источники литературы

Andersson, Ralph: Das wilde Feld der Erweckung. Ignaz Lindl und die Auswanderung von Altbayern nach Neurußland (19. Jahrhundert), in: Aichacher Heimatblatt 48/2-5 (2000).

Kannenberg, Michael: Verschleierte Uhrtafeln. Endzeiterwartungen im württembergischen Pietismus zwischen 1818 und 1848, Göttingen 2007.

Kantzenbach, Friedrich Wilhelm: Johann Michael Sailer und der ökumenische Gedanke, Nürnberg 1955.

Moosdiele-Hitzler, Johannes: Konfessionskultur – Pietismus – Erweckungsbewegung. Die Ritterherrschaft Bächingen zwischen „lutherischem Spanien“ und „schwäbischem Rom“, Nürnberg 2019.

Turtur, Hermann: Chiliastisch-schwärmerische Bewegungen in Bayern im frühen 19. Jahrhundert, München 1953.

Источник иллюстрации

Ignaz Lindl. Stahlstich im Pfarramt Baindlkirch. Abgedruckt im Jahrbuch des Vereins für Augsburger Bistumsgeschichte 2 (1968), Abb. 12.

Церковь Сараты

Томас Крюгер (Thomas Krüger)

6 апреля 1908 года, в Вербное воскресенье по юлианскому календарю, моя бабушка Кристиана Фрей прошла конфирмацию в празднично украшенной церкви Сараты и впервые приняла Святое Причастие. Об этом свидетельствует сохранившееся свидетельство, подписанное пастором Альфонсом Мейером. Двенадцать лет спустя " Храм в степи" снова сыграл свою роль в истории моей семьи: Кристиана вышла замуж за моего деда Йоханнеса Крюгера в четверг, 12 февраля 1920 года.

Многочисленные семьи из южной Бессарабии связаны с церковью в Сарате через крещение, венчание, конфирмацию или захоронение. В течение ста лет - с 1840 по 1940 год - она давала им духовную обитель в радости и печали, опору их вере. 22 сентября 1940 года прихожанам пришлось распрощаться с привычной церковью в связи с переселением - так же, как и с домом, и хозяйством, да и вообще с родиной, которую Бессарабия предлагала пяти поколениям. В то время никто и подумать не мог, что 55 лет спустя церковь получит новое начало при других условиях.

Предыстория здания церкви

На момент своего открытия Храм в степи был самой первой протестантской церковью в Бессарабии. При строительстве колонисты воспользовались привилегией, которую царь Александр I даровал им в своем обращении 1813 года, "свободно строить церкви по своему вероисповеданию, содержать духовенство и жить по своей вере".

Основание колонии Сарата связано с именем католического священника Игнаца Линдла, который, будучи "религиозным фанатиком", как сказано в памятной публикации к 170-летию Сараты, потерял свой приход в Вюртемберге. Его протестантские и католические сторонники пошли за ним на юг России, где они 1822 году основали новое поселение в у реки Сарата, на земле, предоставленной царем.

Год спустя богатый торговец текстилем Кристиан Фридрих Вернер и его партнер Готлиб Вейгель также переехали в Сарату по религиозным причинам. Но Вернер умер всего через несколько месяцев после своего приезда. Торговец тканями передал часть своего состояния - 25 000 рублей серебром - в завещании "на благо и благополучие общины Сараты, но особенно на миссионерское дело и распространение Царства Христова".

После того как пастор Линдл был выслан из России, вероятно, по наущению католической церкви, Фейгель, как бургомистр (староста), возглавил общину, которая перешла в лоно протестантизма. Уже в 1832 году Фейгель обратился к российским властям с просьбой разрешить ему взять из капитала Вернера сумму, необходимую для строительства церкви. Разрешение главы Одесского Попечительного комитета, генерала Инзова, затянулось, и поэтому работы начались только в 1838 году.

Храм в степи: внешнее и внутреннее оформление

Здание в романском стиле было освящено 15 сентября 1840 года пастором Генрихом Брайтенбахом. Башня церкви имела купол, увенчанный крестом. Над входом возвышалась надстройка, опирающаяся на колонны. Библейский стих "Я дам мир на этом месте" из книги пророка Аггея был начертан большими позолоченными буквами на передней части надстройки.

Поскольку церковь была построена на пологом склоне у подножия приходского холма, к главному входу вели ступени, а задний вход, предназначенный для пастора и ведущий в ризницу, находился почти на уровне земли. Внутри церкви органная галерея также покоилась на колоннах. Колонны и стены были побелены, а скамьи и окна выкрашены в белый цвет.

С самого начала церковь в Сарате была оснащена органом: он был первым в немецких колониях Бессарабии и одним из первых в немецких поселениях юга России. Он служил в течение многих десятилетий. Только в 1931 году инструмент был заменен на большой современный орган Walker из Людвигсбурга. Три колокола на башне призывали к молитве и поклонению: их было слышно далеко в степи за пределами села. Поскольку один из колоколов получил трещину, в 1936 году его заменили на новый в тех же ключах. С 1870 года богослужения сопровождались также духовым и церковным хором.

По случаю 100-летия поселения Сарата в 1922 году в здании церкви были установлены две большие мраморные плиты в память о Вернере, основателе, и Фейгеле, старосте Сараты.

Церковный приход Сараты

Благодаря основанию новых бессарабско-немецких колоний, приход Сарата стал более крупным приходом (епархией). Саратский священник посещал соседние приходы в зависимости от потребности. На момент переселения, помимо двух основных - Сарата и Лихтенталь - существовало шесть дополнительных приходов: Балакчелли, Розенфельд, Маразлиенфельд, Сарьяры, Татар-Бунар и Стангопка. Всего в епархии числилось 5930 душ. Мой дедушка Йоханнес и бабушка Кристиана, поженившиеся в Сарате в 1920 году, спустя пару лет поселились в Маразлиенфельде; мой отец Эмиль родился там же в 1926 году.

В то время как в главных общинах службы проводились каждое второе воскресенье, в рядовых служили от двух до четырех раз в год. Дороги были длинными, до 35 километров от Сараты и находились в зимнее время в плохом состоянии.

Для проведения венчаний и конфирмаций прихожанам надо было ехать в главный городок епархии. Кандидатов на конфирмацию пастор готовил в течение 14 дней, и на это время они должны были снять жилье в Сарате.

Христианское воспитание начиналось в семье родителями и крёстными, а религиозное обучение проводили так называемые церковные учителя в сельских школах.

Будучи своего рода помощниками пастора, они также проповедовали, крестили и хоронили, а пастор подтверждал официальные акты во время своих редких визитов.

За время существования прихода Сарата здесь долгое время служили следующие пасторы: Генрих фон Леседов (1830-1839), Генрих Брайтенбах (1840-1848), Георг Бехнинг (1852-1875), Трауготт Людвиг Каттерфельд (1875-1880), Альфонс Вильгельм Майер (1882-1918), Вильгельм Готфрид Майер (1919-1922) и Готхольд Вингер (1922-1940). Пасторы также были ректорами и учителями религии в школе Вернера, существовавшей в Сарате с 1844 года, и работали в диаконическом учреждении "Приют Александра". Только в 1937 году в Сарате была введена должность помощника пастора на которую был избран Рудольф Кох.

Возрождение Саратской церкви

После переселения в 1940 году церковь использовалась не по назначению. Она потеряла свою башню, стала Домом культуры и в течение 30 лет служила гарнизону Сараты в качестве Дома офицеров. После политических перемен в Советском Союзе здание было приспособлено под дискотеку.

После политической оттепели в СССР с приходом Горбачева в 1980-х годах стали возможны познавательные поездки Бессарабского землячества на бывшую родину. Гертруд Кнопп-Рюб сообщала, что участники часто тайно проходили рядом с бывшей церковью: они боялись неприятностей с местными властями. На это были свои причины: тогдашний председатель Землячества Эдвин Кельм впервые смог зайти в здание церкви в 1990 году, после чего провел четыре часа в полиции. Ему стало ясно, что без скорой реконструкции это исторически значимое здание также разрушится. Кельм от имени

всех немецких церквей Южной Бессарабии принял решение превратить "Степной храм" обратно в место поклонения

Кельм нашел союзников в болгарской общине евангельских христиан-баптистов из соседего села Камчик. По идее Кельма, эти христиане должны были возродить служение в церкви после ремонта: она ни в коем случае не должна стать музеем. В сентябре 1994 года, несмотря на противодействие некоторых граждан, поселковый совет Сараты принял решение вернуть здание Евангелическо-лютеранской церкви Украины. 1 января 1995 года храм был официально передан местной церковной общине.

После всего лишь шести месяцев реставрации церковь была возвращена к своему первоначальному назначению. 1 октября того же года, в праздник урожая, церковь была освящена при широком участии представителей Украины и Германии. На 155-летнем здании была установлена новая алюминиевая крыша. Оно было заново отделано внутри и снаружи, потолок и пол были обновлены. Две новые лестницы, ведущие в галерею, все окна, двери и скамьи были изготовлены заново. Были установлены две люстры и 40 настенных светильников. Внук бывшего саратского пастора Альфред Майер приобрёл в Германии, привез и подарил церкви новый электронный орган.

Над входом в церковь теперь снова можно прочитать библейский текст на русском и немецком языках: "И на месте сем я дам мир". "Это устанавливает связь между прошлым и настоящим, между бывшими жителями и нынешними",- сказал пастор Арнульф Бауманн в своей проповеди на освящении. Таким образом мир Божий продолжает действовать в этом месте. По словам Бауманна, церковь Сараты "строит мост между нашими народами".

На сегодняшний день Саратская церковь по-прежнему служит Молитвенным домом для местной баптистской общины и является достопримечательностью для всех, кто приезжает в Бессарабию.

Источники

Christian Fiess, Heimatbuch Sarata, 1979

Festschrift „170 Jahre Sarata“, 1992

„Die Kirche von Sarata“ – Symbol unseres Glaubens und unserer Geschichte, 1996.

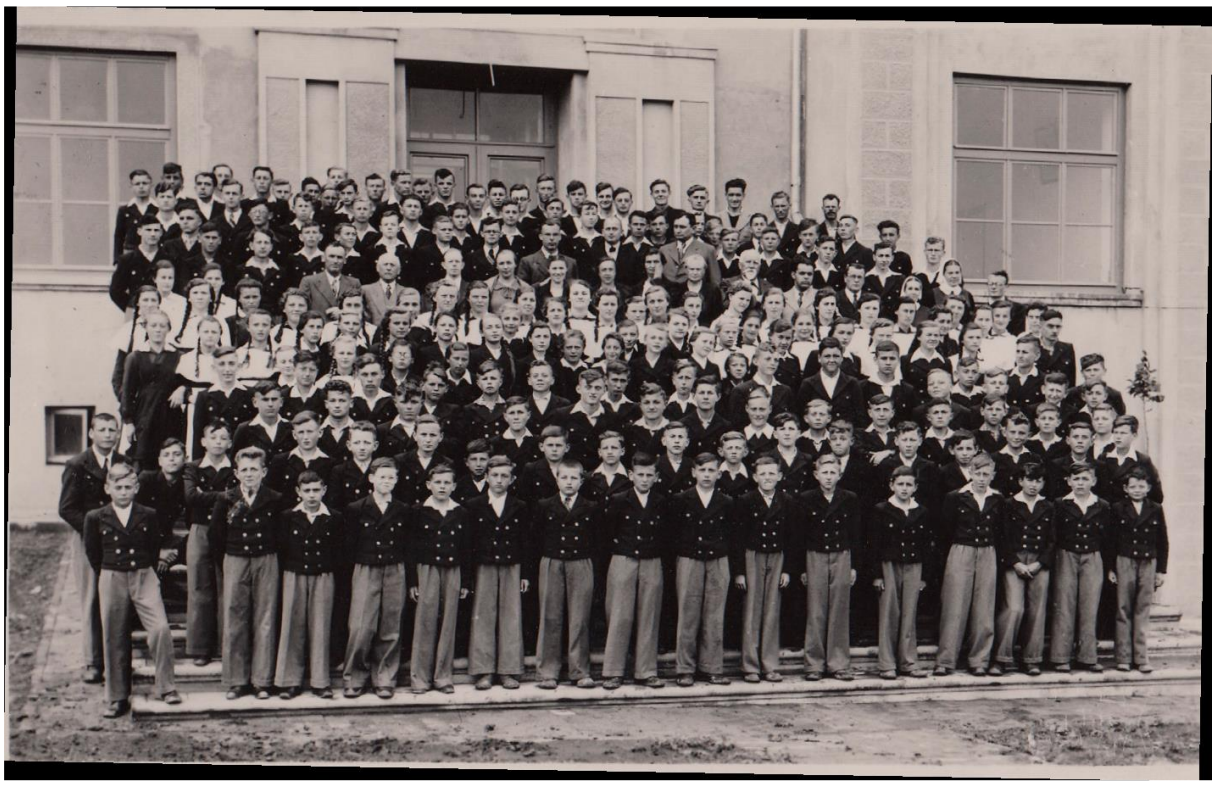
Школа Вернера- педагогическая семинария Бессарабии

Аннэ Зэеман (Anne Seemann)

Она должна была стать жемчужиной Сараты, украшением на просторах бессарабской степи - школа Вернера! И так оно и было, без сомнения. Ухоженное здание располагалось на небольшом возвышении на окраине посёлка, на месте, с которого взгляд мог обозреть всё поселение и широкую долину.

Люди вспоминают это с тоской. Это было первое и долгое время единственное высшее учебное заведение в Бессарабии. Попасть туда хотя бы на год было достижением, символом статуса. Из нее вышли такие личности, как Даниэль Хаазе, Карл Рюб, Иммануэль Бауманн, Хуго Шрайбер и другие.

Когда в 1844 году школа открыла свои двери, в ней обучалось десять учеников, воспитанием которых занимались два учителя. Почти век спустя, перед переселением в 1940 году, картина была совсем другой: теперь 15 учителей обучали 200 учеников. В течение 96 лет школа Вернера была педагогическим флагманом Сараты.



Ученики школы Вернера 1939/40 гг.

Последняя воля и завещание господина Вернера

В 1819 году преуспевающий торговец тканями Кристиан Фридрих Вернер, родившийся 26 декабря 1759 года в Шорндорфе, земля Вюрттемберг, познакомился с пастором Игнацем Линдлем, к которому вскоре сильно привязался. После смерти жены и двух из трех дочерей Вернер занялся духовным поиском. Он находит новую цель своей жизни в плане Линдла основать в Бессарабии общину первохристиан. В октябре 1822 года он вместе со своим деловым партнером и хорошим другом Готлибом Фейгелем (*20.02.1780) продает суконный бизнес. Вдвоем они помогают другим последователям Линдла уехать и в конце концов следуют за ними в мае 1823 года в только что основанную Сарату.

Но у самого Вернера почти не было возможности участвовать в создании общины на его новой родине. Он тяжело заболел и 6 сентября 1823 года умер. За несколько часов до смерти он написал завещание, в котором оставил свое состояние Сарате. Речь идет о 25 000 рублей серебром, которые, согласно его воле, должны быть использованы на благо общины, и в первую очередь, на "миссионерское дело распространения Царства Христова". Он берет с Фейгеля обещание добросовестно довести до конца это поручение как исполнитель завещания. Однако это оказалось сложнее, чем они могли себе представить. Прошло двенадцать лет, прежде чем в 1835 году акт наследования был окончательно оформлен, и это было лишь одним из многих препятствий на пути реализации последней воли Вернера.

Идея создания школы

Чтобы воплотить видение Вернера о "распространении Царства Христа", Фейгель хотел построить в Сарате миссионерскую школу и церковь. Для обоих проектов ему требовалось одобрение российских властей. В 1830 году он подал заявку на строительство миссионерской школы, а в 1832 году - вторую заявку на строительство церкви. Второе заявление было удовлетворено, но в строительстве миссионерской школы власти категорически отказали. Преобладающей религией в стране была русская православная, поэтому евангелическо-лютеранская миссия была нежелательна. Вместо этого, согласно императорскому Указу от 25 августа 1831 года, должна была быть учреждена учительская семинария. Уже через три месяца Фейгель получил на рассмотрение соответствующий проект и учебную программу. Он был удовлетворен распоряжением. Представленная учебная программа будет служить если не внешней, то, по крайней мере, внутренней миссии.

Однако после этого первого диалога проект учительской семинарии затих на десятилетие и был возобновлен только после завершения строительства церкви.

Переход к реализации идеи

Затем, однако, возникла проблема: императорский Указ об основании школы от 23 октября 1842 года предусматривал, в отличие от концепции 1831 года, светски ориентированную учительскую семинарию с русским языком обучения. Это уже не

соответствовало духу завещания Вернера, поэтому в течение двух лет между региональным ведомством и Фейгелем, который отстаивал религиозные и языковые интересы поселенцев, шла детальная переписка. Уже были наняты учителя и начались занятия для учеников, хотя финальные моменты еще не были выяснены. В итоге Фейгелю удалось добиться своего. Религия стала важной частью учебной программы, а язык преподавания - немецкий.

Тем временем продвигалось строительство здания школы, и весной 1844 года оно было готово принять учеников. Занятия наконец-то начались 1 июня 1844 года, а официальное открытие было приурочено ко дню рождения царя Николая, 25 июня того же года.

Фейгель получил пожизненное звание и должность Попечителя школы Вернера, которая включала в себя экономическое управление школой. Он составлял бюджеты, собирал средства, заботился о наборе учителей, строительстве и содержании зданий. После смерти Фейгеля в июле 1847 года эти задачи взяло на себя региональное ведомство. 16 лет спустя, в 1873 году, функции регионального управления взял на себя созданный школьный совет.

Первые выпускники окончили школу в мае 1848 г. После квалификационного педагогического экзамена они могли сдавать экзамен на церковного учителя, так что учитель сельской школы был одновременно приставлен к приходскому священнику в качестве дьякона и нередко заменял его. Этот "учитель-дьякон" был авторитетной фигурой в Бессарабии царской эпохи.

Классы школы Вернера

Вначале школа Вернера была задумана как школа-интернат. В целом это считалось благоприятным для обучения и воспитания детей. Однако с организацией питания возникли проблемы: его должны были обеспечить преподаватели, что, в дополнение к другим обязанностям, требовало много времени. По этой причине в начале 1860-х годов интернат был упразднён, а учеников разместили в частных домах.

Система классов в школе Вернера постепенно расширялась. При основании школы в ней был только один класс. Затем в 1869 году произошло расширение до русской центральной школы, что не только повлекло за собой более светскую направленность преподавания, но и должно было принять большее количество учеников младшего возраста. Минимальный возраст был снижен с 15 до 10 лет. Чтобы справиться с этой задачей, школа Вернера должна была расшириться. В 1879 году было построено новое здание школы, в котором теперь размещались два класса. В 1906 году к зданию школы была сделана пристройка с двумя дополнительными классными комнатами, чтобы разместить еще два класса, открытых в 1904 году. Теперь в школе было четыре класса, и каждый год принимались новые ученики.

Следующее расширение последовало в 1910 г. С 1892 г. российское государство изменило требования к экзамену на звание учителя: теперь его можно было сдавать не непосредственно в школе Вернера, а только в русской гимназии. Чтобы лучше подготовить учеников к этому в 1910 году был добавлен педагогический курс с двумя

классами, с 1921 года - с тремя и, наконец, с 1931 года с четырьмя классами. Когда в 1914 году потребовалось больше места для возросшего числа учащихся, последовало еще одно расширение здания. Строительство последнего здания было начато в 1936 году. В это время два класса были организованы как учебная школа для проведения семинара по подготовке учителей, где стажеры проходили свои педагогические испытания. Это здание было готово к эксплуатации только незадолго до переселения, в сентябре 1939 года.

Кто были ученики?

Ученики были почти из всех бессарабско-немецких общин, а также из более отдаленных мест: в русский период - со всего юга России, даже с Кавказа; в румынский период - из Добруджи и Буковины.

За 96 лет своего существования школа Вернера выпустила в общем 2217 специалистов, из них с 1917 года около 200 девочек. Из всего количечтва выпускников 1182, около 53 %, окончили школу Вернера с дипломом. Большинство из них стали учителями и работали в немецких селениях всего Причерноморья и за его пределами. Другие стали пасторами, врачами и академиками, фабрикантами и коммерсантами. Те, кто уехал, не закончив учебу, в большинстве своем вернулись к отцовскому фермерству или стали клерками.

И кто учителя?

Некоторые из преподавателей сами бы ли выпускниками школы Вернера, но большинство приехало издалека. Они приезжали, например, из Одессы или Дерпта, Тюбингена или Мюнхена. Некоторые из них оказали особое влияние на школу Вернера. Прежде всего, это Карл Байш (род. 20.10.1814 в Зульце на Некаре – ум. 15.12.1883), первый директор школы Вернера, назначенный самим Фейгелем. Сам он учился в педагогической семинарии в Лихтенштерне близ Лёвенштайна в Вюрттемберге. Он проработал в школе Вернера почти 40 лет и за это время своим добросовестным трудом сформировал ее дух. Еще одно известное имя - Вильгельм Мутшалл (род. 05.11.1851 в Тарутино – ум. декабрь 1936), который некоторое время посещал школу Вернера в качестве ученика. С 1884 по 1909 год он был учителем немецкого языка в школе Вернера, а с 1907 года занимал должность директора. Квалификацию преподавателя он получил в Нойендеттельсау в

Молодой Карл Байш, первый директор школы Вернера

Баварии. Одним из учеников Мутшалла был Фридрих Фихтнер (13.04.1874 - 22.12.1946). Он был преданным своему делу учителем в школе Вернера в течение 36 лет, с 1904 по 1940 год. Фихтнер был особенно приверженцем немецкого языка преподавания. Третьим директором школы Вернера был Альберт Маух (08.04.1867 - 21.03.1960). Он занимал этот пост с 1909 по 1937 год. Маух преподавал немецкий язык, а также был автором школьных учебников. Его преданность делу помогла школе пережить смутные годы с 1919 по 1935 год, и в это время он написал Гимн Бессарабской Родины. Последним дректором школы Вернера был Отто Матт (род. 25.12.1900 в Сарате – ум. 15.05.1971), который проработал с 1937 по 1940 год и уже с 1931 года преподавал там педагогику и математику.

Проблемы за проблемами

Во время существования школы Вернера то и дело возникали ситуации, угрожавшие ее существованию. Так, несмотря на капитал, завещанный Вернером, в финансировании было несколько слабых мест. После смерти Фейгеля капитал был передан в распоряжение Попечительного комитета, который, очевидно, принял несколько невыгодных инвестиционных решений, так что проценты больше не покрывали расходы школы. В 1860 году школа была вынуждена закрыть свои двери на год и смогла вновь открыться только после того, как капитал школы был конвертирован в ценные бумаги с более высокими процентами. Тем не менее, после 1878 года проценты с капитала Вернера уже не позволяли содержать школу, поэтому с этого времени пришлось ввести плату за обучение.

Школе пришлось пережить тяжёлый удар, связанный с потерей капитала Вернера в результате присоединения к Румынии. Заменить его оказалось сложно, поэтому единственным выходом в 1919 году осталась национализация. Однако это не было долгосрочным решением. Когда в 1923 году румынский язык должен был быть введен в качестве языка обучения, вновь пришло время действовать. Финансирование школы Вернера было передано органам Евангелическо-лютеранской церкви Бессарабии.

Еще одна насущная проблема возникла в связи с продвигаемой политикой румынизации 1930-х годов. Выпускникам школы Вернера больше не разрешалось преподавать в государственных школах. Раз за разом возникали вопросы о том, можно ли вообще сдавать выпускные экзамены в школе Вернера; условия постоянно становились все более жесткими. Тот факт, что они снова и снова выполнялись с большими усилиями, начиная с 1936 года даже благодаря вышеупомянутому новому зданию, которое было необходимо для создания интерната, говорит об уверенности всех сторон в учреждении школы Вернера и ее важности для немецких поселенцев.

Обитель культуры

Выпускники школы Вернера, учителя и представители других профессий, естественно, приносили пользу везде, куда их направляли. Но особенно выигрывала от школы Вернера сама Сарата: она способствовала распространению знаний и образования

среди местных жителей и тем самым оказала положительное влияние на культурную и социальную жизнь поселка, а также на уровень жизни саратцев. Одной из причин этого было то, что многие жители Сараты воспользовались возможностью иметь школу в селе и посещали, по крайней мере, младшую ступень школы (гимназические классы). За время существования школы Вернера в ней учились 619 жителей Сараты. Но не только большое количество местных учеников подняло уровень образования в селении. С 1862 года в саратских семьях жили иногородние ученики. Домовладельцы брали на себя ответственность за учеников, помогали им учиться и в то же время сами чему-то учились.

В последние десятилетия существования школы Вернера в Сарате каждый год проводились конференции учителей, которые также давали возможность встретиться бывшим одноклассникам, учителям и гостеприимным семьям. Через школу Вернера Сарата имела связи почти со всеми немецкими общинами Бессарабии.

Настоящая жемчужина: второе здание 1879 года.

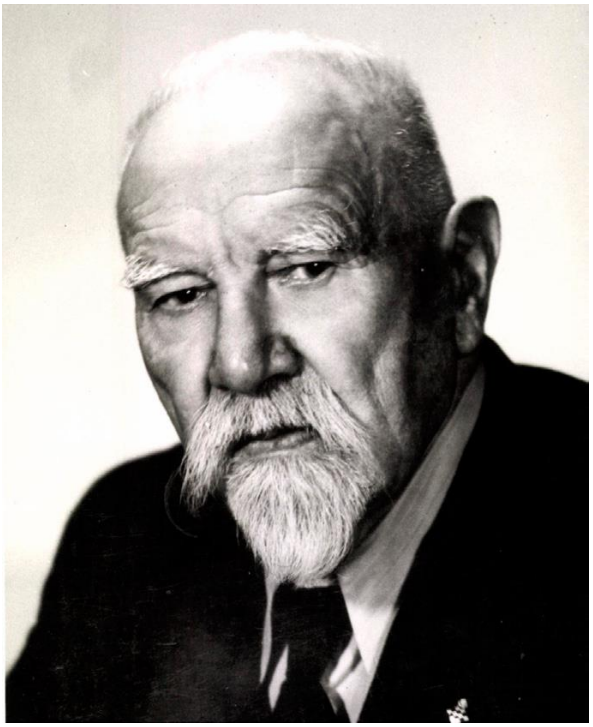
Движение обновления в школе Вернера

В 1930-х годах, когда национал-социалистическая идеология проникла в Бессарабию, школа Вернера с её межрегиональной сетью также сыграла не последнюю роль в распространении вредных идей.

Для преодоления кризиса, вызванного политикой румынизации, школа Вернера с 1933 года рассчитывала на поддержку со стороны германского Рейха. Центральной фигурой распространявшегося в Бессарабии "движения обновления" был учитель Иоганнес Вагнер (род. 01.11.1891 в Сарате – ум. 15.05.1967). Активно работавший в школе Вернера с 1918 года, он был инициатором движения обновления в Сарате в 1931 году и заместителем наместника Бессарабии в рамках Движения национального обновления немцев в Румынии с 1934 по 1940 год. Весьма консервативный директор Альберт Маух также поддержал новое движение. Так, в сентябре 1935 года в пропагандистском журнале движения обновления "Die Jugend" он написал следующие строки под заголовком "Aus der Werner Schule": "У нас, слава Богу, еще есть люди, которые глубоко

в сердце носят заботу о нашем народном воспитании и которые всеми силами стремятся найти пути и средства через темное настоящее к светлому будущему".

Так школа Вернера, обитель церковных и академических элит Бессарабии, стала рассадником интеллектуальной дегенерации, которой её герои впоследствии не любили хвастаться.



Альберт Маух провел школу Вернера через трудные 1930-е годы

Заключение

За 96 лет своего существования единственная в России немецкоязычная учительская семинария пережила ряд неудач, столкнулась с финансовым разорением или была вынуждена перестроиться, чтобы продолжить свое существование. Но все эти трудности были преодолены с большим энтузиазмом, сердцем и душой, сделав школу Вернера, а вместе с ней и город Сарату образовательным и культурным центром не только Бессарабии, но и далеко за её пределами.

Несмотря на хорошие заслуги школы перед регионом, нельзя забывать и о темных сторонах. Роль школы Вернера в распространении нацистской идеологии следует помнить как предостерегающий урок, напоминающий об огромной ответственности, которую несут школа и её учителя.

После оккупации Бессарабии Советским Союзом в июне 1940 года школа Вернера была закрыта, а директору Матту было строго запрещено предпринимать какие-либо официальные действия. Немецкая история этой школы завершилась переселением в октябре 1940 г. Сегодня, более 80 лет спустя, только руины напоминают нам о трудностях её основания, обо всех перестройках, о любознательных учениках, которые провели здесь важные для них годы. В 2001 году здания были снесены, а камни использованы для других проектов. Фасад, который должен был быть сохранен, сейчас обветшал.

Источники

„Aus der Geschichte der Auswanderung – Sarata und die Wernerschule“, Woldemar Zurkan, 1996, Herausgegeben im Eigenverlag

„Vorgeschichte zur Gründung der Wernerschule in Sarata als Lehrerbildungsanstalt“, Albert Mauch, Seminardirektor i. R., Veröffentlichungen des Vereins zur Förderung des Schrifttums der Deutschen aus Besssarabien, Band 5,1970, Landsmannschaft der Bessarabiendeutschen, Stuttgart

„Heimatbuch Sarata: 1822-1940“, Herausgeber Christian Fiess, Mühlacker, 1979

„Die Wernerschule – eine Kaderschmiede der Erneuerungsbewegung?“, Manfred Bolte, 2022, unveröffentlicht, eingereicht für das Jahrbuch 2023 des Bessarabiendeutschen Vereins

https://de.wikipedia.org/wiki/Evangelisch-deutsche_Lehrerbildungsanstalt_Werner

Приют Александра

Доктор Хартмут Кнопп (Dr. Hartmut Knopp)

Доктор Георг Фридрих Лютце, который был врачом в Сарате более 25 лет, умер в 1863 году. Он был родом из Плохингена на реке Неккар и изучал медицину в Йене. Заключив трудовой договор с Попечительным комитетом, он переехал в Сарату в 1827 году. Его обязанностью был медицинский уход не только за немецкой, но и за всеми общинами Аккерманского уезда, а также исполнение функции ветеринара. Кроме того, он учился в Киевском университете и получил российский государственный диплом врача. Насколько мало у него было времени для лечения многочисленных больных, видно из того, что даже в своей родной общине Сарате он обычно мог присутствовать только три дня в году. Во время его долгого отсутствия умерли и несколько его собственных детей. В зимние месяцы, когда дороги были непроходимыми, он иногда вообще не мог добраться до некоторых населенных пунктов. Кроме того, Лютце должен был сам готовить все лекарства, и эту функцию постепенно переняла его жена. Она получала рецепты через посыльных и отправляла лекарства в различные сёла Бессарабии. Брюшной тиф оборвал жизнь доктора в возрасте 60 лет, когда он еще не успел реализовать свой самый важный проект по созданию медицинской базы в Сарате. Эта плачевная ситуация в медицине сохранилась и через 50 (!) лет после первых поселений в Бессарабии и показала, насколько плохим было врачебное обслуживание населения, а также уход за больными в первые десятилетия.

Через год после смерти Лютце, 14 августа 1864 года, шесть пасторов встретились в Сарате. Это были пасторы Бехнинг из Сараты, Биенеманн из Арциза, Вальтер из Альт-Эльфта, Буш из Клёстица, Беккер из Хоффнунгсталя и Фалтин из Кишинёва, которые решили основать "Дом милосердия". Пастор Биенеманн был лично знаком с ректором института диаконисс в Нойендеттельсау, близ Ансбаха в Баварии, совершил туда поездку и привлек двух сестер для назначения в Сарату, а именно Эмилию Липпольдт и Вильгельмину Зайц. Они прибыли в Бессарабию 13 октября 1865 года, а через несколько месяцев был заложен первый камень в основание дома сестёр-диаконисс. Сохранившаяся летопись дома диаконис начинается с таких слов:

"В 1864 году случилось так, что некоторые пасторы первого округа юга России на нескольких собраниях обсуждали бедственное положение беспомощных и брошенных членов своих общин. В особенности это касалось старых и немощных людей, больных, которые годами томились на одре страданий, слепых и глухонемых, а также психически нездоровых детей и взрослых. Церкви необходимо было начать проявлять больше милосердия к таким бедным людям, томящимся в нищете, чем это делалось до сих пор. В том, как это должно было осуществиться, не могло быть никаких сомнений. Все, что может сделать отдельный пастор в своей общине для верной заботы о таких несчастных людях, мало и недостаточно; только "Дом милосердия" может помочь основательно, в котором жилье, уход и пасторская забота направлены специально на этих людей".

По случаю чудесного спасения царя Александра II во время покушения на него в 1866 году, вновь построенный дом диаконисс был назван "Обитель Александра ". Десять лет спустя обитель вошла в состав международной ассоциации всех диаконических домов милосердия Kaiserswerther Verband. Сёстры, приехавшие в Сарату в 1865 году, набрали бессарабских немецких девушек для служения в доме диаконисс. Форма одежды сестер была заимствована из города Нойендеттельсау.

Розина Трёстер была первой ученицей, поступившей в это заведение, а затем возглавляла его в качестве старшей медицинской сестры до своей смерти в 1919 году. В Александровском приюте работали следующие старшие медицинские сестры:

Больница Сараты

1865-1867	Эмилия Липпольт
1867-1870	Луиза Хауэр
1870-1877	Элизабет Швадерер
1877-1919	Розина Трёстер
1919-1927	Магдалина Ковальски
1927-1928	Лина Фарр
1928-1931	Элизабет Зюсмильх
1931-1940	Цецилия Трёстер

Руководство учреждением диаконисс возлагалось на ректоров; обычно это были пасторы Сараты.

Всего до переселения было обучено 198 сестёр. Принимались девушки в возрасте от 18 лет. Сначала они должны были пройти двухлетнюю стажировку в качестве учениц, затем в качестве пробных сестёр, после чего становились младшими сестрами. В возрасте 25 лет они посвящались в сёстры милосердия и на всю жизнь сохраняли связь с обителью. В саратском приюте всегда было больше желающих получить эту службу, чем было вакансий.

Уже в 1868 году вновь прибывшие врач доктор Шуммер и фармацевт Биенеманн смогли основать госпиталь, который позже был расширен до клиники с операционным блоком, а также амбулаторией.

Диакониссы заботились о тех, кто нуждался в уходе. Первоначально в новое здание приюта были размещены престарелые женщины. Для мужчин был отведен отдельный дом в Арцизе. Сестры, поработавшие до старости, могли провести свои "сумерки жизни" в доме "Abendfrieden" ("Вечерний покой").

С 1917 года в доме диаконисс также размещались дети-сироты. Однако соседство с психически нездоровыми пациентами оказалось очень непростым. Благодаря полученному наследству удалось построить отдельный детский дом на 30 детей, где они могли находиться до завершения профессионального обучения.

С целью восстановления работоспособности сестер были открыты два реабилитационных дома в Бад-Будаки и Бад-Бурнасе, где параллельно за нуждающимися в отдыхе детьми каждое лето присматривали две сестры.

Больничная палата

Работа дьяконисс в Сарате вскоре вышла далеко за рамки их первоначальных планов. Во время русско-турецкой войны 1877/78 гг. в Бендерах на Днестре действовали полевая диакония и военный госпиталь. После их посещения Генеральный полномочный представитель Красного Креста выразил следующее мнение: "Я нахожу все настолько хорошим, что не могу придумать ничего более превосходного". Во время Первой мировой войны 1914/18 гг. в госпитале в Сарате также ухаживали за ранеными.

Сестры Сараты также несли свое служение в многочисленных поселениях: в Киеве, в Сарепте под Волгоградом, а также в районе расселения поволжских немцев в Саратове и Гнадентау; там же, в соседней Таловке, была создана своя обитель и учебный центр сестер. Однако связь с этими сестрами была утрачена в период сталинской диктатуры. В Одессе также был основан новый дом диаконисс из Сараты, а в близлежащем селении Вормс было открыто учреждение для глухонемых, а также филиал в Гросслибентале.

В румынский период сестры из Сараты служили в Кишиневе, Аккермане и в санаториях в Кронштадте / Трансильвания и Тимишоаре / Банат. До переселения было также начато создание общественных фельдшерских пунктов в различных поселках.

Увеличение числа специализированных отделений позволило обеспечить надлежащий уход за подопечными. В первые годы в одном доме ухаживали за сиротами, умственно и физически неполноценными, пожилыми и тяжелобольными людьми. В Сарате малочисленные сестры проводили богослужения дважды в день, вели занятия по утрам, готовили пищу, убирали комнаты, помогали в работе, ухаживали за больными и беременными женщинами. Со временем ситуация с помещением улучшалась, и незадолго до переселения на службе находилось 57 сестёр.

Финансовые средства на содержание Александровского приюта накапливались за счет низкой платы за содержание пациентов (50 копеек за койку), субсидии Аккерманского уезда, церковных пожертвований в общинах Бессарабии, частных пожертвований и взносов, а также натуральной помощи. В мае каждого года проводился сбор шерсти, которая использовалась для производства и продажи вязаных изделий, а осенью - сбор продуктов питания, которых обычно было так много, что хватало на весь год. В более чем 30 общинах были созданы женские ассоциации по производству ручных ремесленных изделий. Выручка от их продажи обеспечивала значительную финансовую поддержку Александровскому приюту.

Больница была открыта в 1883 году и всегда была тесно связана с Александровским приютом. Необходимо было ежегодно заключать договор аренды с аккерманскими властями и оплачивать расходы на питание. Решающую роль в заполнении врачебных вакансий играла Диакония (Diakonieanstalt). В больнице было 30 коек, но они всегда были заняты, так что ожидание часто длилось месяцами, и приходилось ставить кровати для больных в соседнем частном доме.

Поэтому в 1935 году было построено новое здание больницы на 40 коек с необходимыми операционными и процедурными кабинетами, а также лабораторией и рентгеновским кабинетом. Строительство стало возможным благодаря огромному количеству пожертвований от всех общин Бессарабии. Последние десятилетия до переселения больницей руководили известные хирурги д-р Леопольд Доблер и д-р Вальденмайер, отличная репутация которых распространилась далеко за пределы Бессарабии. В общей сложности в Саратской больнице получили лечение и были прооперированы более 27 000 пациентов.

В российский период (до 1918 года) Александровский приют был самым важным диаконическим учреждением на всём юге России. Она принесла пользу не только немцам Бессарабии, но и представителям многих других национальностей и конфессий. Около 1700 человек, нуждавшихся в стационарном уходе, находились в учреждениях Александровского приюта, иногда в течение многих лет, а один даже в общей сложности 57 лет. Около 2/3 были выходцами из Бессарабии, 1/3 - из южной России. Однако последние были лишены этой возможности после присоединения Бессарабии к Румынии. В общей сложности в учреждении диаконисс проработали около 200 сестер.

Пациенты Александровского приюта

После переселения работа сестринского дома уже не могла быть продолжена. В определенном смысле преемником саратского приюта можно считать "Alexander-Stift", созданный для пожилых, больных и нуждающихся бессарабских немцев в Гроссерлахе-Нойфюрстенхютте в Вюртемберге, основаный пастором Альбертом Керном в 1953 году

и до 2008 года находившийся в ведении Комитета помощи Евангелическо-лютеранской церкви Бессарабии. Сегодня он является частью учреждения Diakonie Stetten.

Литература

- Fiechtner, J.: *Das Alexander-Asyl zu Sarata, Ein Gedenkblatt zu seinem 70-jährigen Bestehen (1866-1936)*, in: *Deutscher Volkskalender für Bessarabien 1937*, S. 88–92
- Fiess, Christian:. Die Barmherzigkeitsanstalt „Alexander-Asyl“ in: Fiess, Christian (Hrsg.) Sarata 1822-1940. Mühlacker, 1979. S. 127-158
- Honold, Matthias: *Von Neuendettelsau nach Sarata. Neuendettelsauer Diakonissen und ihr diakonisches Wirken im fernen Bessarabien*; in: Jahrbuch der Deutschen aus Bessarabien. Heimatkalender 2004, S. 119-125.
- Kern, Albrecht (Hrsg.): *Das Alexander-Asyl in Sarata* in: *Heimatbuch der Bessarabiendeutschen*. Hilfskomitee der Evangelisch-Lutherischen Kirche aus Bessarabien, Hannover, 1964, S. 29-32
- Schmidt, Ute: *Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer*. Potsdam, 2008. S. 133-137

Фотографии

Из книги: Fiess, Christian: *Die Barmherzigkeitsanstalt „Alexander-Asyl“* in: *Fiess, Christian (Hrsg.) Sarata 1822 – 1940*. Mühlacker, 1979. S. 144

Об экономическом развитии Сараты

Ганс Рудольф Валь (Hans Rudolf Wahl)

1. Возникновение колонии

Сарата была одной из материнских колоний бессарабско-немецких поселений, которые планомерно создавались в годы после окончания наполеоновских войн в Европе, начиная с 1814 года. Этот процесс начался после выхода Воззвания царя Александра I от 29 ноября 1813 г. Таким образом, он стал результатом систематической политики по созданию колоний, инициированной государством и организованной на протяжении десятилетий специально созданным государственным органом, так называемым "Попечительным комитетом иностранных колонистов юга России" - органом, выполнявшим как стимулирующую, так и контролирующую функции. Колонии были созданными государством образцовыми поселениями в ранее неосвоенных сельскохозяйственных районах, спланированными властями на чертежной доске с целью развития земель; сегодня мы бы назвали их "проектами маяков". Все просвещенные европейские монархи XVIII века проводили подобную политику внутренней колонизации, включая бабушку Александра, царицу Екатерину II. Уже в 1760-х годах у нее были колонии, основанные немецкими поселенцами на Волге и в Северном Причерноморье, которые были чрезвычайно успешны в экономическом отношении. Таким образом, Александр I опирался на концепцию, которая уже оправдала себя в течение десятилетий и с которой российское государственное управление уже имело многолетний опыт.

Проект основания немецкоязычных колоний в Бессарабии, который сопровождался одновременным поселением болгарских колонистов, состоял из трех подпроектов, охватывающих юг Бессарабии. Первый и самый большой, площадью около 116.000 десятин[10] земли, включал в себя территорию вдоль небольшой реки Когельник и предназначался для переселенцев из польско-прусского герцогства Варшавского. Тарутино стало крупнейшей колонией этого района поселения. Другой, гораздо меньший, площадью около 10.000 десятин, располагался на Днестровском лимане. Царь Александр обещал её швейцарцу-реформату Фредерику-Цезарю де ла Харпе, который основал здесь винодельческую колонию Шабо. Третий также был результатом личного благоволения царя, в данном случае к католическому баварскому священнику и харизматическому лидеру хилиастической религиозной общины Игнацу Линдлу (1774 - 1845). Он включал в себя около 16.000 десятин земли и был расположен вдоль рек Сарата, Чилигидер и Когельник. Основание Сараты Игнацем Линдлом в 1822 году завершило весь этот колонизационный проект. Однако в 1830-х годах из территории колонии Сарата были отделены колонии Гнаденталь и Лихтенталь. Первые жители Сараты были выходцами из королевства Вюртемберг и из швабской части королевства

[10] Десятина = русская мера площади, 1 десятина соответствует 1,09 га.

Бавария. Поэтому колония имела швабский характер. Всего здесь была поселена 101 семья.

Как колония, Сарата изначально имела типичные черты всех колоний, в том числе и в экономическом плане. Цель освоения земли требовала от колонистов знаний и навыков в сельском хозяйстве, а также в связанных с сельским хозяйством ремеслах, таких как кузнечное или слесарное дело. Основываясь на опыте предыдущих колонистских проектов, российская государственная администрация сделала эти навыки и умения условием для получения разрешения на иммиграцию. Взамен колонисты получали соответствующую землю для сельскохозяйственной обработки и, кроме того, ряд привилегий, которые явно отличали их от обычного крестьянского сельского населения. Прежде всего, они стали свободными крестьянами - редкая привилегия в России, где крепостное право сохранялось до 1861 года. Кроме того, они получали освобождение от налогообложения на первоначальный период в десять лет, и, помимо этого, бессрочное освобождение от военной службы. Наконец, - и это было особенно важно для последователей Линдла, - им также была гарантирована свобода вероиповедания.

С другой стороны, были и некоторые особенности, которые с самого начала отличали Сарату от других бессарабских немецких колоний. Принцип общности имущества, который Линдл ввел в соответствии со своими религиозными взглядами, ориентированными на первохристианство, просуществовал недолго. После того как Линдл был выслан из России в декабре 1823 года, его преемник Готлиб Фейгель (1780 - 1847) вновь ввел частную собственность и автономное управление имениями. Но многое осталось прежним. При основании колонии в Сарате были построены школа и молитвенный дом. Позже богатый купец Кристиан Фридрих Вернер (1759 - 1823), эмигрировавший в Бессарабию вслед за Линдлом, оставил наследство, которое после некоторых споров с государственной администрацией было при поддержке Евангелическо-лютеранской церкви использовано для основания учительской семинарии в Сарате в 1844 году. Еще в 1827 году саратский доктор Георг Фридрих Лютце (1803 - 1863) первым начал медицинскую практику в Бессарабии. Эти два фактора должны были сыграть ведущую роль в экономическом развитии Сараты.

Не случайно уже в 1840-х годах Сарата, наряду с Тарутино, взяла на себя ведущую роль в развитии бессарабских немецких колоний и была причислена к образцовым колониям в отчетах Попечительного комитета.

2. Модернизация: от образцовой колонии к центру обслуживания

Статус колонистов бессарабских немецких поселений был отменен царем Александром II в 1874 году. Это коснулось и Сараты, хотя об этом было известно заранее. Россия стала последней страной в Европе, отменившей крепостное право в 1861 году. Привилегированный правовой статус колоний противоречил модернизации государственного управления, которая была направлена на стандартизацию правил и процедур. Это также противоречило духу второй половины XIX века, который подталкивал к созданию самодостаточных национальных государств, где не было места привилегиям для этнических меньшинств. И в этом отношении Россия в конечном итоге

лишь следовала за развитием, которое уже началось десятилетиями ранее в других частях Европы.

Для Сараты, как и для других бессарабских немецких колоний, это означало отмену налоговых льгот, которые частично еще существовали, введение обязательной воинской повинности для молодых мужчин и, в частности, роспуск Попечительного комитета. Сарата юридически стала совершенно обыкновенной общиной Российской империи, а её бессарабско-немецкие жители из иностранных колонистов, проживающих на юге России, превратились в совершенно обычных российских граждан.

Однако Сарата была лучше подготовлена к этому развитию, чем, вероятно, многие другие бессарабские немецкие поселения XIX века, благодаря особенностям своей ранней истории. Она обладала двумя важными уникальными преимуществами, которые со временем должны были быть дополнены третьим существенным фактором.

Школа Вернера пережила значительное расширение во второй половине 19 века и на рубеже веков. Не в последнюю очередь это было связано с сильным ростом бессарабско-немецкого населения в этот период, что привело к соответствующему увеличению числа дочерних колоний и в свою очередь увеличило спрос на учителей. Для Сараты это означало не только повышение статуса учительской семинарии, но и расширение круга представителей этой незаурядной профессии, т.е. создание образованного сословия вне традиционного приходского аппарата.

Тот факт, что Сарата очень рано стала местом оказания медицинской помощи, также усилил это развитие в другом направлении. После смерти доктора Лютце в 1863 году во время эпидемии тифа, представители церкви, в частности, начали думать не только о том, как продолжать оказывать медицинскую помощь, но, прежде всего, о том, как разместить нуждающихся в ней людей в надлежащих условиях. Это соответствовало общей тенденции того времени к профессионализации медицинской помощи и для обычного населения, а в протестантских слоях населения центральным органом, оказывающим услуги, была организация Diakonie. Пастор Петер Густав Беккер (1835 - 1907) связался с институтом диаконисс в Нойендеттельсау, Франкония. В 1865 году в Сарате был основан дом милосердия, названный приютом Александра в честь царственной особы. Приют тоже активно расширялся во второй половине 19 века и на рубеже веков. Таким образом, Сарата стала центром медицинской помощи для всей южной Бессарабии, а большее число представителей и представительниц этих медицинских профессий вместе с врачами и сестрами-диаконисами Александровского приюта, проживали в Сарате. Поскольку приют финансировался в основном за счет сборов и пожертвований, сложились соответствующие отношения между всем бессарабско-немецким населением и Саратой, как местом оказания соответствующих услуг и социальной работы.

Российская и Османская империи вели в общей сложности шесть войн друг против друга в период с конца XVIII века до Первой мировой войны. Во всех этих войнах Бессарабия была основным районом дислокации российских войск. Во второй половине 19 века военная логистика все больше использовала железную дорогу как новый и высокоэффективный вид транспорта. Поэтому в Российской империи, как и в других частях Европы, расширение железных дорог активно поощрялось военными, в том числе

Железнодорожный вокзал в Сарате

и в стратегически важном в военном отношении регионе Бессарабии. До аннексии Бессарабии румынскими войсками в марте 1918 года железные дороги в России находились под контролем военного министерства и использовались в основном для нужд армии. Однако в мирное время их использовали для гражданских пассажирских и грузовых перевозок. Согласно этой логике, маршруты и соответствующие железнодорожные соединения городов и сел, а также строительство железнодорожных станций основывались в первую очередь на военных соображениях без учета пожеланий местного населения. Таким образом, получение населенным пунктом железнодорожного сообщения было вопросом удачи и не зависело от местных факторов. Однако Сарата, в отличие от более крупного Тарутино, была одной из бессарабско-немецких колоний, которым выпала такая удача. Таким образом, железнодорожное сообщение стало третьим фактором, который внес значительный вклад в экономическое развитие общины и, в сочетании с двумя другими, укрепил положение Сараты как важного бессарабско-немецкого центра.

3. Урбанизация Сараты в первой половине 20-го века

Железнодорожное сообщение дало еще один значительный толчок к модернизации и урбанизации, которые стали заметны, прежде всего, в период присоединения к Румынии в 1920-х и 1930-х годах и привели к появлению черт небольшого города. Это также позволило обосноваться в Сарате более крупным мануфактурам, которые, помимо соответствующего слоя экономической буржуазии, создали еще одну, совершенно новую социальную группу, которой в Бессарабии до тех пор практически не существовало - рабочую силу. С электрификацией в 1920-х годах Сарата приобрела, по крайней мере, характер небольшого городка, который явно превосходил большинство немецких поселений в Бессарабии.

Накануне переселения, в конце 1930-х годов, Сарата представляла собой отчетливо дифференцированную экономическую структуру. Большинство её жителей продолжали заниматься сельским хозяйством и ремёслами, связанными с сельскохозяйственным трудом. В Сарате также были фермы, что было характерно практически для всех других немецких поселений. Однако натуральное хозяйство было здесь уже не единственным видом деятельности, но и базой для рыночных отношений. Рынок, который имел хорошее транспортное сообщение с другими регионами Бессарабии, обеспечивал относительно оживленную торговлю и производил прибавочную стоимость.

С созданием более крупных предприятий, которые не были непосредственно сельскохозяйственными, наряду с традиционными профессиями фермеров,

земледельцев и ремесленников, появилась и реальная рабочая сила. Наконец, Сарата отличалась более высокой численностью среднего класса, что, наряду с недавно появившейся экономической буржуазией, было обусловлено уже гораздо более ранним развитием сервиса с соответствующими профессиями в сфере обслуживания. С одной стороны, это было связано с тем, что школа стала центром подготовки учителей, с которым были связаны образованные представители среднего класса. Не случайно в 1920-х годах Сарата стала местом расположения первого немецкого краеведческого музея Бессарабиию. Таким образом, здесь появилось солидное культурное учреждение, характерое для города. К тому же Сарата уже с эпохи своего основания была центром медицинского обслуживания и ухода за больными, а приют Александра в течение многих десятилетий существовал в определенно профессиональной институционализированной форме, включая ассоциацию врачей и медсестер, как еще одну область этой деятельности.

Создание саратской сервисной сети и экономического центра в институциональном, социальном и транспортном плане привело к последовательной специализации профессий, экономических структур и взаимодействия с другими частями Бессарабии и бессарабскими немцами, и таким образом к расширению образа жизни и возможностей получения дохода, что было исключительным для Бессарабии. Наряду с Тарутино, Сарата, несомненно, была немецким центром Бессарабии «par excellence».

4. Справочные материалы

Christian Fieß: Heimatbuch Sarata. 1822 – 1940. Mühlacker 1979.

Albert Kern (Hrsg.): Heimatbuch der Bessarabiendeutschen. 3. Aufl. Stuttgart/ Hannover 1976.

Ute Schmidt: Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Potsdam 2008.

Immanuel Wagner: Geschichte der Gründung der Kolonie Sarata 1822 – 1832. Stuttgart/ Mühlacker 1967.

Woldemar Zurkan: Sarata und die Wernerschule. Aus der Geschichte der Auswanderung. Kornwestheim 1996.

Культурная жизнь. Развитие клубов и ассоциаций

Хайц Фисс (Heinz Fieß)

Во время Первой мировой войны молодые бессарабские немцы все чаще вступали в контакт с внешним миром, будучи русскими солдатами или военнопленными в Германии, а после войны - студентами немецких университетов. В связи с этим некоторые знакомились с городской жизнью в других регионах, и таким образом их интерес к социальной и культурной жизни рос вместе с их восхищением Германией. Еще один важный аспект: студенты из сельской Бессарабии жадно впитывали то, что им преподавали с университетской кафедры. Они были особенно открыты для "новомодных", т.е. национал-социалистических идей. Они не хотели оставаться простыми, аполитичными провинциалами, а стремились к "обновлению".

Интерес Германского рейха к немцам на юге России, возникший после Первой мировой войны, и желание этих меньшинств сохранить свою немецкую культуру были очень близки друг другу. Кроме того, тот факт, что на ассоциативную жизнь больше не влияли барьеры, существовавшие в российский период, означал, что с 1918 года она могла свободно развиваться.

Вероятно, самым старым общественным объединением Бессарабии был "Der Gute Kamerad" ("Добрый товарищ"), основанный в Сарате в 1918 году. К 10-летию ассоциации в ней насчитывалось 110 членов из разных социальных слоев. Благодаря лекциям по углублению знаний и социальным программам, таким как театр, танцы и пение, шахматы, футбол и т.д., поощрялась не только окончившая школу сельская молодежь, но и пожилые люди имели стимул к общению.

История возникновения ассоциаций

(источник: Hugo Häfner, Jahrbuch 1994, Das Vereinswesen der Deutschen in Bessarabien.)

В царской империи создание клубов было почти невозможным. Известно лишь, что в 1846 году Попечительный комитет издал распоряжение о **создании аграрных союзов** с целью содействия развитию сельского хозяйства.

Добровольные общества начали создаваться только к концу XIX века, в частности, **женская ассоциация**, основанная в Сарате в 1886 году, работала как благотворительная организация.

В 1897 году была основана **потребительская кооперация**, сначала в Сарате, а вскоре и в других общинах. В 1921 году они объединились в Союз предпринимателей. С ростом желания обмениваться опытом с другими заинтересованными лицами были основаны межрайонные ассоциации:

- С 1885 года проводились межрайонные конференции учителей, которые переросли в Совет учителей в Арцизе и, наконец, в 1923 году в **Союз учителей** в Сарате.
- Еще в российское время в 1905 году в Одессе было основано "**Южно-Российское немецкое просветительское общество**" для содействия интеллектуальной жизни людей (основание школ, библиотек, читальных залов). Это объединение было вынуждено по приказу властей прекратить свою деятельность в 1910 году. Основание гимназий в Тарутино в 1906 и 1908 годах, вероятно, тоже связано с этим.
- "**Немецко-бессарабский союз высшей школы**" (около **1921** г.) с центром в Тарутино. Ежегодно проводились высшие каникулярные курсы, которые способствовали развитию научной и литературной деятельности, а также моральной, материальной и правовой поддержке студенческой молодежи.
- "**Союз студентов черноморских немцев**", **1921** г., в Тюбингене. Резкое увеличение числа иностранных немцев, обучающихся в Германии после Первой мировой войны, привело к созданию в 1920 году в Лейпциге "Центрального союза иностранных немецких студентов" (Zentralverband auslanddeutscher Studierender). Когда в Тюбингене была основана студенческая группа из 89 членов, в ней уже было 38 бессарабцев.
  В состав учредителей входили Карл Штумп, Георг Лейббрандт и Карл Рюб.
- "**Музей истории культуры**", основанный в Сарате по случаю столетнего юбилея поселка. Руководитель Иммануил Вагнер (учредительное собрание 29 марта 1923 года, см. фото).
- **Бессарабско-немецкое сельскохозяйственное объединение "Колонист",** основанное в 1926 году со штаб-квартирой в Сарате, стало началом образования многих местных фермерских объединений.
- В 1933 году на встрече представителей культурных ассоциаций в Шабо, по поручению состоявшегося незадолго до этого совещания в Сарате, была **основана "Федерация немецких культурных ассоциаций"** в качестве ведущей организации. Хефнер цитирует слова докладчика: "Эта федерация должна объединиться с другими уже существующими высшими ассоциациями, такими как Ассоциация музеев, Ассоциация учителей, Академическая ассоциация, Сельскохозяйственная ассоциация, и войти в состав ведущей организации в Народном совете". Офис ассоциации располагался в Сарате.

В дополнение к этой подборке межрегиональных клубов или ассоциаций следует вкратце упомянуть многочисленные ассоциации, основанные в отдельных общинах после 1918 года. Существовали многочисленные женские, молодежные, просветительские, охотничьи клубы, духовые и струнные оркестры.

Важность ассоциаций для жизни общин

В Годовом сборнике (Heimat-Kalender) за 1994 год различные авторы приводят примеры жизни объединений в некоторых крупных общинах Бессарабии. Например, молодежное объединение "Дружба" было основано в Тарутино в 1923 году по инициативе группы молодых людей. Ольга Унтерзеер (НК 49 стр. 41) говорит: "Целью было ободрить и заинтересовать молодых людей, покинувших школу, чтобы увести их с улиц. Во что бы

то ни стало пытались увлечь молодежь". С появлением театральной группы, футбольной команды, игр в шахматы и домино, боулинга, библиотеки и танцевальных мероприятий, где культивировались вальс, танго, шимми, румба, полька или "Сарацки", постепенно удалось завоевать молодежь более прочно, чем ожидалось от первоначального энтузиазма.

В уставе тарутинского спортивного клуба **"Бессарабия"**, основанного в 1919 году, была сформулирована аналогичная цель (Emil Deuschle HK 94 стр. 45): "...дать молодежи Тарутино возможность встречаться и вдохновлять друг друга, организуя игры, гимнастику, экскурсии, походы, вечера развлечений, лекции, театральные представления, предоставлять возможности для встреч и увлекательного досуга". Были футбольные и гимнастические команды, проводились соревнования по боулингу и шахматам, создавались хоры и многое другое.

Особым событием стало празднование пятилетия учреждения Ассоциации Тарутино, на котором хоры из немецких сел Бессарабии, Буковины и Трансильвании выступили перед аудиторией из более 1500 человек. Немецкая газета Бессарабии (Deutsche Zeitung Bessarabiens, DZB) с восторгом рассказывает о совместном путешествии в Базарьямку, "и о том, что мы смогли там испытать... Это было настоящее триумфальное шествие немецкой песни, и певцы исполняли свою роль на каждой остановке... Особенно "Песня бессарабской Родины" Альберта Мауха, директора школы Вернера в Сарате, была центром восторженного почитания". Энтузиазм спонтанно привел к созданию Немецко-бессарабской ассоциации певцов, к которой сразу же присоединились все присутствующие на фестивале клубы.

Есть такие же позитивные отчеты о клубах в Сарате (Ella Fano, HK 94 стр. 53 ff), где в 1918 году был основан общественный кружок "Der Gute Kamerad" ("Добрый товарищ"), деятельность и цели которого были аналогичны вышеупомянутым обществам. В качестве популярного мероприятия упоминается регулярно проводимый развлекательный "Schwobaobed" (швабский вечер). По словам Эллы Фано, Albert Heer писал в Немецком народном календаре для Бессарабии: "Ассоциация также предоставляет вдохновляющие идеи для пожилых людей через свои научные лекции, особенно по сельскому хозяйству."

Немецкий дом в Сарате. Постр. в 1937 г.

Заметное изменение в ассоциациях и основание "Федерации немецких культурных ассоциаций Бессарабии"

Об изменениях в 1933 году пишет Мариана Хаусляйтнер в книге "Немцы и евреи в Бессарабии 1814-1941", с. 152: "Педагогический колледж ("Школа Вернера") в Сарате

стал центром протеста против румынизации с 1933 года; в то же время там было особенно распространено увлечение национал-социализмом". Немалый вклад в это развитие, возможно, внес учитель Йоханнес Вагнер, который во время визита в Трансильванию летом 1931 года вступил в контакт с национал-социалистическим лидером Фрицем Фабрициусом. Затем, в октябре 1931 года, Фабрициус отправился в Бессарабию, чтобы читать лекции в различных местах для продвижения нацистской идеологии, которая уже была более заметна в Трансильвании. Ему удалось особенно вдохновить присутствующих молодых людей.

В феврале 1932 года в Сарате состоялось первое собрание культурных ассоциаций Бессарабии, целью которого было придать определенную структуру жизни ассоциации. "Главное внимание на всех лекциях и консультациях, - говорит Стефани Вольтер, - уделялось молодежным ассоциациям и образованию молодежи в целом." **Планировалось объединиться в "Союз немецких культурных ассоциаций в Бессарабии" (СНКАБ).**

Многочисленные политически окрашенные дискуссии последующих лет не могут рассматриваться в данном контексте. Вкратце: На второй встрече в феврале 1933 года в Шабо **сторонники движения обновления почувствовали преимущество**. На третьем заседании СНКОБ в Теплице было принято еще больше резолюций, но они не были выполнены. Герберт Вайс в Теплицкой хронике, стр. 91, пишет: "Федерация объединений СНКОБ через некоторое время тихо прекратила свою деятельность. Движение обновления себя исчерпало. В водовороте политической борьбы, развернувшейся вскоре среди бессарабских немцев, его исчезновение осталось незамеченным ".

Статья учителя Теодора Шёха "Ассоциации и воспитание молодежи" (Vereinswesen und Jugenderziehung) в газете BesB от 1 декабря 1932 года, критикующая существующие ассоциации, ясно показывает, что должно изменить движение обновления: добровольное подчинение молодежи лидеру вместо демократических правил; не только общительность, но и сильное влияние на взгляды и интеграция в духе народного молодежного движения.

Фото духового оркестра в Тарутино 1933 год

В дополнение к обществу "Der Gute Kamerad" (GK) в Сарате в 1936 году был основан общественный клуб "Einigkeit", - как сообщает Элла Фано, - **не в последнюю очередь по политическим причинам".** В просторечии GK называли "Zweier", новый клуб "Einigkeit" - "Einser". Современный свидетель Лилли Д., родившаяся в Сарате в 1923 году, также сообщает, что в Сарате было два клуба - "Einser" (кружок вокруг Отто Бронеске, Кристиана Фисса, Ганса Вагнера..., т.е. сторонников национал-социалистического движения обновления) и "Zweier", которые были против Гитлера, за германизм, но не за нацистскую Германию. В то время как в "Einser" строго отвергали современные танцы и культивировали только немецкие народные песни и народные танцы, танго и т.д. не одобрялись, - "Zweier" выступали за интеграцию с Румынией, были более интернациональны, но хотели оставаться немцами. В селе эти два объединения вели к расколу, который был внезапно преодолен только с предстоящим переселением. Теперь уже никто не говорил о Гитлере негативно.

Следующее безобидно звучащее предложение, сформулированное Ольгой Унтерзеер (HK 94 p. 42), необходимо рассматривать в его значении: "Если в 1920-е годы спортивные занятия - походы, боулинг, футбол - были более или менее приятным досугом, **то в 1930-е годы они приобрели целенаправленный характер"**. Мотивация для организации работы в клубах в корне изменилась из-за политической поляризации во многих сферах. Например, в 1935 году молодежная ассоциация "Freundschaft" организовала недельный гимнастический курс с бесплатным питанием и проживанием для мальчиков и девочек, чтобы подготовить **руководителей для отделений гимнастики** в клубах. Термин "отделение гимнастики" требует дополнительных пояснений: о первой неделе пения и гимнастики, которая началась 21 августа 1932 года в Сарате, Б. Шмидт писал в "Бессарабском наблюдателе", стр. 2: **"Мы служим высшему делу, для которого пение и гимнастика являются лишь средством достижения цели, служим святому делу, которое распростpsаняется как огонь по всем немецким районам и называет себя движением обновления Германии..."**. Таким образом, **Turnjugend** является условным обозначением для политических боевых групп движения обновления: спорт только с виду находится на переднем плане.

Пасха, марш на соревнование по катанию яиц в лагере Августусбург.

Был возрожден старый обычай катания яиц, идеологически пропагандируемая немецкая народная песня достигла нового расцвета, а по предложению национал-социалистического лидера немцев в Румынии Фрица Фабрициуса был разработан и введен "бессарабский наряд". Национал-социалистическое движение обновления, которое находилось под пристальным наблюдением, активной поддержкой и идеологическим влиянием германского рейха, взяло верх. Оно определяло политическое направление вплоть до переселения, поселения на территории рейха и частично даже за его пределами.

Эпилог

Не затронутая отъездом с бессарабской родины, общественная жизнь, сформированная движением обновления, осталась в сознании людей. В лагерях переселенцев, как показывают фотографии, продолжались особо почитаемые мероприятия, такие как катание яиц, народные танцы и немецкие народные песни.

Народные танцы в лагере Августусбург.

После поселения в Польшу, где контакты друг с другом были нежелательны, и после бегства бессарабские немцы снова искали близости друг с другом. Так было в поселении Платтенвальд близ Бакнанга, где вновь собрались жители Теплица, или в поселении Вендлинген, куда съехались саратцы.

Вновь основанный хор "Сарата" и танцевальная группа "Теплиц" пережили новый расцвет. Кроме того, в 1950-х и 1960-х годах на традиционных форумах на Киллесберге в Штутгарте регулярно проходили выступления, которые тепло принимались.

Сегодня по всей Германии по-прежнему проводятся мероприятия и встречи, на которых люди информируют друг друга, наслаждаются обществом и культивируют традиции Бессарабии. Даже сегодня поездки в прежнюю Бессарабию остаются популярными и важными, как, например, те, которые в течение долгого времени организовывал бывший федеральный председатель, недавно умерший д-р h.c. Эдвин Кельм. Благодаря этим поездкам поддерживается контакт с людьми, которые сейчас там живут, и оказывается необходимая помощь.

В Землячестве и существующей с 2006 года Бессарабско-немецкой ассоциации (Bessarabiendeutschen Verein e.V.) центральными задачами были и остаются развитие интереса к истории и культуре и усилия по их сохранению. Однако, как и в других землячествах, потребовалось много времени, чтобы появилась готовность

противостоять темной стороне политики - национал-социалистическому "Народному союзу" и "Движению обновления ".

Источники и библиография

Herbert Weiß, Teplitzer Chronik, Die letzten zehn Jahre des Bestehens der Kolonie Teplitz.

Jahrbuch 1994 (Hugo Häfner, Das Vereinswesen der Deutschen in Bessarabien, u.a.)

Deutscher Volkskalender für Bessarabien 1937.

Jahrbuch 1940 (Emil Seitz, Deutsche Jugendarbeit in Bessarabien) und weitere Volkskalender.

Stefanie Wolter, NS-Einfluss auf die Deutschen in Bessarabien. Eine Pressedokumentation, Stuttgart 2013.

Frank Bajohr/Michael Wildt (Hrsg.), Volksgemeinschaft, Neue Forschungen zur Gesellschaft des Nationalsozialismus, Fischer Verlag 2009.

Fotos: Archiv des Heimatmuseums des Bessarabiendeutschen Vereins.

Музей немцев колонисты Бессарабии в Сарате

Олаф Шульце (Olaf Schulze)

Праздничная публикация по случаю 200-летия Сараты была бы неполной, если бы в ней также не упоминалось учреждение, которое просуществовало всего 18 лет и было довольно скромным по размерам, но значение которого продолжает оказывать влияние и сегодня и стало существенной частью культурной идентичности бессарабских немцев. Речь идет о "Музее истории культуры немецких колонистов Бессарабии", основание которого сто лет назад было тесно связано с празднованием столетия Сараты. В данной статье рассматриваются основные черты истории этого первого бессарабско-немецкого музея, а также уделяется особое внимание председателю-основателю и "мотору" этого учреждения, учителю Иммануилу Вагнеру, которому пришлось сопровождать и справляться с временным прекращением "дела всей его жизни" в связи с переселением в 1940 году, а также с распределением коллекций, собранных им и его соратниками.

Импульс к созданию своего музея исходил от Бессарабской немецкой ассоциации учителей, был включен в повестку дня и обсуждался на их втором съезде в Сарате в апреле 1921 года по теме "Основание школьного музея". 12 ноября 1921 года на первой полосе "Немецкой газеты Бессарабии" появилась большая статья, написанная Йоханнесом Вагнером (1891-1967), учителем школы Вернера в Сарате, который вспоминал в ней о трудном начале немецких колонистов и успехах, которые пришли со временем "благодаря усердию и настойчивости": "Эта картина прошлого и настоящего должна быть достаточно ярко представлена нынешнему и будущему немецкому поколению, чтобы культурная работа наших предков также была оценена в полной мере, чтобы наше растущее поколение могло извлечь уроки из прошлого нашей бессарабской немецкой культуры, чтобы лучше организовать себя в настоящей и будущей жизни народа, чтобы были определены основные понятия немецко-бессарабской истории культуры, - короче говоря, в нашей среде должен появиться культурный институт, который может служить памятником, образовательным учреждением и богатым источником для искусства и науки. Это должна быть коллекция для нашего народа, культурно-исторический музей, доступный каждому, в котором должно быть собрано, упорядочено и продемонстрировано самое важное из флоры, фауны, геологии, минералогии, агрономии, этнографии, промышленности, ремесла, обучения и воспитания и т.д. нашей родины". В конце статьи Йоханнес Вагнер призвал "всех учителей и друзей этого доброго дела" к сотрудничеству и попросил "присылать мне различные редкие фотографии, открытки с изображением, книги, чучела животных, заспиртованные композиции, коллекции насекомых, скелеты, гербарии, коллекции минералов, различные модели и таблицы старого и нового времени".

Планы музея стали конкретными, когда в начале октября 1922 года 100-летие Саратской коммуны удалось отметить одним из первых в Бессарабии - после того, как первая мировая война помешала это сделать старейшим поселениям. В честь этого события в

одном из классов начальной школы была организована историческая выставка, которая получила большой отклик. В 1922 году инициатива перешла от Иоганнеса Вагнера к Иммануилу Вагнеру. Оба были учителями по профессии и родственниками друг друга. Их общий прадед Йоханн Михаэль Вагнер (1778-1854) был родом из Бехинген-ан-дер-Бренц и приехал в Сарату с женой и детьми. В то время как Йоханнес Вагнер занимался преподавательской деятельностью, впоследствии став профессором школы Вернера, его троюродный брат Иммануил, старше его на 21 год, был вынужден оставить профессию учителя по состоянию здоровья. Однако Йоханнес Вагнер остался в правлении основанного теперь Музейного общества. Йоханнес ("Ханс") Вагнер преподавал физику, химию, естественную историю и агрономию, а также иногда историю, гигиену и гимнастику в школе Вернера и получил звание профессора; в 1933 году он стал председателем накануне основанной Федерации немецких культурных обществ Бессарабии, а с 1934 года он также был заместителем гауляйтера (наместника) Бессарабии в Немецком Народном Совете после доктора Отто Бронеске.

Иммануил Вагнер, в свою очередь, как член праздничного комитета, внес предложение о проведении специальной выставки в сельской школе, и под его председательством был создан "Комитет древностей", который вскоре стал называться "Музейным комитетом". Более ста предметов были взяты взаймы, члены комитета давали пояснения к предметам во время выставки, а после дали себе обещание "создать из этого нечто долговечное, краеведческий музей, на благо и благословение нашего народа". Это соглашение "Музейный комитет" заключил 29 октября 1922 года и пригласил актив на следующее воскресенье, 5 ноября 1922 года, в час дня в Сельскую

Правление Культурно-исторического музея немецких колонистов Бессарабии в помещении музея, приблизительно 1930 г. Слева направо: Иммануил Шёх (секретарь), Фридрих Фихтнер (2-й председатель), Иммануил Вагнер (1-й председатель), Фридрих Вингер (казначей), Рейнгольд Вагнер (2-й хранитель), Йоханнес Вагнер (1-й хранитель).

управу, чтобы обсудить создание музея и представить соответствующий проект. На встрече присутствовали 40 заинтересованных лиц. Йоханнес Вагнер представил на голосование первый проект устава, который был принят за основу. 26 февраля 1923 года отредактированный устав был официально утвержден, а 29 марта, в четверг Страстной недели, члены-учредители собрались вновь, чтобы избрать "первую администрацию" - Совет правления. Иммануил Вагнер стал 1-м председателем, д-р Якоб Вальденмайер - 2-м председателем, Иммануил Шёх - секретарем, Фридрих Вингер - казначеем, Йоханнес Вагнер - 1-м хранителем, а профессор Альберт Гунш - 2-м хранителем. Кроме того, существовал наблюдательный совет из трех человек. Число членов выросло с 57 до 361 в период с 1923 по 1927 год, но снова упало до 199 к 1931 году, в основном из-за неурожаев, плохой экономической ситуации и, в конечном итоге, мирового экономического кризиса. В 1938 году можно было насчитать 400 членов из 30 немецких деревень, в том числе 130 из Сараты и 100 из Тарутино. Членский взнос сначала составлял 20 леев, примерно с 1930 года - 40 леев, а затем вернулся к 20 леям в год. Количество предметов, большинство из которых были переданы в дар музею, выросло с 67 в 1923 г. до 439 в 1931 г. и, наконец, 806 в 1938 г. Соответствующие обращения всегда делались в "Немецкой газете Бессарабии".

Правление также стремилось к защите местного исторического наследия, природы и животных, например, к сохранению или посадке лесов и фруктовых садов (НГБ 26/29.03.1924). Регулярно поздней осенью или зимой члены организации собирались в зале школы Вернера или в школе села Сарата на общее собрание, где, помимо обычных вопросов повестки дня, членам организации демонстрировались вновь поступившие экспонаты. Члены правления также читали лекции, не только исторического содержания. В 1930 году совет начал распространять свою просветительную деятельность за пределы Сараты на другие немецкие колонии в Бессарабии, такие как Айгенфельд, Фридрихсфельд и Гнаденталь (для празднования столетнего юбилея), где также были предоставлены музейные предметы (НГБ 14/18.2.1931). На протяжении многих лет в колониях создавалась сеть "доверенных лиц", которые вызывали интерес к музею, собирали предметы и вербовали членов. В списке 1932 года названы 25 деревень за пределами Сараты от Аккермана до Тарутино с их "доверенными лицами", включая женщину, Лидию Гольвер, которая отвечала за Аккерман. За всеми этими действиями также стояло желание иметь собственное здание музея. Этому желанию не суждено было исполниться в Бессарабии. Хотя был создан "фонд строительства дома", помещение музея становилось все более тесным из-за ежегодных пожертвований и покупок экспонатов - к концу 1930 года в нем насчитывалось уже 419 "древностей". Сначала музей располагался в одной из комнат частного дома Иммануила Вагнера. Это изменилось в 1930 году, когда комната в освободившейся квартире учителя в школе Вернера была передана под коллекцию.

Несколько сохранившихся фотографий показывают новое помещение музея. Экспонаты висели близко друг к другу на стене, были убраны в витрины или на полки, использовалось каждое свободное место. Одна из стеклянных витрин была приобретена в 1926 году, "что было тем легче, что мастер-столяр Алекс Бехтле не принял никакого вознаграждения за свою работу" (НГБ 91/17.11.1926). Что было выставлено в музее? Иммануэль Вагнер описал его в небольшой статье в крестьянском календаре "Bauerkalender 1939", издававшемся редакцией немецкой народной газеты "Deutsches Volksblatt" с конца 1935 года, так: "Коллекция в музее сегодня состоит из 806 различных предметов: сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, картины, книги, планы, карты,

Частичный вид музейной комнаты в 1932 году показывает разнообразие предметов в очень маленьком помещении

одежда, монеты, различные модели и т.д. 74 тома дел расформированного Саратского волостного управления со времен Попечительного комитета, различные документы и книги по истории дают нам информацию о зарождении и первом развитии немецких колоний. Краеведческий музей своими древностями отражает нашу прежнюю жизнь. Это место сбора исторических источников, и в то же время школа, которая в яркой, убедительной форме рассказывает о прошлых днях отцов, в которых наше будущее поколение должно оглядываться назад и следить за образом и характером отцов, за подлинной немецкой национальной принадлежностью. Через эти древности мы учимся познавать и любить наших предков и нашу Родину, которую они приобрели своим трудом и потом, культивировать любовь к народу и Родине"

Газетные сообщения о заседаниях музейного общества помогают более точно реконструировать некоторые коллекции. В большинстве случаев упоминаются и спонсоры. Здесь следует привести несколько красочно подобранных примеров: особую гордость вызывали завещание и паспорт Кристиана Фридриха Вернера. Немецкая газета Бессарабии "Deutsche Zeitung Bessarabiens" каждый год давала бесплатный экземпляр всего годового выпуска. Также были собраны школьные учебники, молитвенники, сборники гимнов и календари, а людям было поручено написать деревенские хроники и биографии важных личностей, готовые работы также попали в музей. Кроме того, были опрошены свидетели-современники, посещены и опрошены старейшие жители деревень. В 1926 году учитель Фердинанд Вагнер из Гнаденталя передал в дар четырнадцать изданий "Одесского календаря" за период с 1892 по 1915 год. В январе 1929 года госпожа Берта Буксель из Шабо передала в музей модель Посттальской церкви, сделанную мастером-плотником Оззом. Было и свадебное платье, сшитое еще в Германии. В 1930 году собрание ассоциации решило сделать множество фотографий в Сарате и других деревнях "с целью запечатлеть настоящее". Всего было сделано 112

снимков, на которых запечатлены, например, школа Вернера с квартирой учителя, сельская школа, интерьер музея, музейная мебель, наряды в Сарате, а также церковь и школа во Фриденсфельде и школа в Айгенфельде (НГБ 14/18.2.1931). В 1936 году музейная ассоциация также объявила конкурс на получение приза за фотографии. В фондах музея также хранилось кресло Фейгеля и экземпляр большой серебряной медали Фейгеля "За усердие". Были еще крёстные венки "Dotakränz", которые рисовали новообращенные при конфирмации во 2-й половине 19 века и дарили крестным родителям ("Dota"/"Döte").

Помимо заинтересованных посетителей из Сараты, как писал Иммануэль Вагнер для "Heimat-Kalender 1933" по случаю 10-летия музея, с каждым годом приходило все больше и больше посетителей со следующей родины, из других районов расселения в Румынии (особенно из Трансильвании) и "не в последнюю очередь из родной страны". Музей также регулярно посещали группы школьников со своими учителями (например, из Тарутино, Айгенфельда и Шабо). Саратский музей претендовал на звание музея для всех немцев Бессарабии, но он был не единственным музеем такого рода в Бессарабии. В 1931 году в Шабо был основан собственный музей. Инвентарный список сохранился до наших дней в Кантональной и Университетской библиотеке в Лозанне.

Подготовка к переселению: Иммануил Вагнер и две помощницы упаковывают предметы из музея в Сарате, осень 1940 года.

Переселение бессарабских немцев осенью 1940 года положило конец музею в Сарате (как и в Шабо). Кристиан Фисс (1910-2001), зять Иммануэля Вагнера, писал в 1963 году в "Mitteilungsblatt" (16.6.1963): "При переселении не разрешили взять с собой музейные ценности. На личный риск тогдашнего 1-го председателя, Иммануила Вагнера, многие музейные предметы были вывезены в Германию Комиссией по переселению, но не были возвращены в вновь основанный музей в Яротчине. Они были включены в Музей кайзера Вильгельма в Познани в качестве отдела Музея переселенцев. Из-за исхода войны они потеряны на время, если не навсегда". Кристиан Фисс допустил ошибку: музей в Познани, основанный в 1857 году, с 1902 года назывался "Кайзер-Фридрих-Музеум" (ныне Национальный музей). В другом месте того же номера Mitteilungsblatt говорится: "Как трудно было председателю оставить собранные сокровища при переселении в 1940 году! С величайшим риском он спас подводу, полную музейных вещей, до Тарутино, где они были переданы командованию переселенцев. Остальное перешло в Аккерманский районный музей, включая всю переписку Попечительного комитета с областными управлениями", которая была частью основной коллекции Саратского музея. Это было сделано по приказу советских властей. Одна половина прибыла в Берлин с дипломатическим багажом комиссии по переселению. По случаю 40-летия краеведческого музея в 1982 году Кристиан Фисс в предисловии к памятной публикации вспоминал: "Еще в 1943 году я смог осмотреть спасенные музейные предметы и

документы по адресу: Карлсбад 20 в Берлине. Планировалось передать их бывшему правлению краеведческого музея для создания нового музея. Но прошло много времени, прежде чем этот вопрос был прояснен, а тем временем музейные ценности были перевезены из Берлина в Вену, поскольку Берлин в то время уже был очень уязвим для бомбардировок. Несмотря на все усилия в то время и по сей день, не удалось выяснить, где остались экспонаты."

В этом плане интересны высказывания Рудольфа Вайса в "Mitteilungsblatt" (1.12.1961), который в 1942 году работал в Познани. Во время посещения музея Кайзера-Фридриха он познакомился с директором музея, доктором Рюйле, который поручил Рудольфу Вайсу создать "Бессарабский дом" с собственной экспозицией. "С этой целью первым делом в 1942 году в Познань были перевезены остатки музея Сараты, находившиеся у Иммануила Вагнера в Плешеве, недалеко от Познани". Иммануил Вагнер все еще имел при себе немного имущества музея. Ему предложили руководство музеем, если он переедет в Познань, чего он не захотел. "Затем Вайс отправился в Берлин и привез в Познань бессарабский архив (имеются в виду дела Народного совета, консистории и некоторых общин). Запланированная выставка и открытие музея так и не состоялись. Когда фронт был уже угрожающе близко, самые ценные архивы были упакованы в коробки. Вайса заверили, что бессарабские документы также включены. До сих пор неясно, где оказались эти ящики", - резюмировал события Инго Рюдигер Изерт в 2002 году во время празднования 50-летия "Музея родного края немцев из Бессарабии". Так закончились почти двадцатилетние усилия Иммануила Вагнера и его соратников по созданию музея немцев из Бессарабии в суматохе окончания войны в 1945 г. Но идея создания музея не угасла: после смерти своего тестя Кристиан Фисс взял на себя инициативу, которая привела к основанию "Музея родного края немцев из Бессарабии" в Штутгарте 25 мая 1952 года.

Иммануил Вагнер наедине со своей внучкой Гильдой, приблизительно 1940 год.

Так кем же был Иммануил Вагнер, движущая сила первого музея бессарабских немцев? Он родился 25 июня 1870 года в Сарате и поступил в известную "Школу Вернера" в 1884 году. С 1888 года он работал учителем в Сарате, Ной-Поштале и Теплице. 28 мая 1898 года он женился на Елизавете Рюб, которая была на шесть лет моложе и тоже из Сараты, с которой у него родилось в общей сложности три сына и пять дочерей. Проблемы с горлом заставили Иммануила Вагнера оставить любимую профессию после 21 года работы. В 1909 году он с семьей переехал обратно в Сарату, где купил надел земли в 60 десятин и построил статный дом. Помимо фермерской деятельности, он участвовал в жизни общины и занимал различные должности, такие как судья Саратского районного суда, управляющий банком небольших кредитов, член школьного совета школы Вернера, уполномоченный общины при различных органах власти (по строительству железной дороги и т.д.). Во время Первой мировой войны и затем до роспуска ведомства в 1923

году большую часть своей работы он выполнял обязанности главного администратора в Саратском волостном управлении. В качестве первого куратора (Kirchenschulz) ему пришлось решать множество сложных задач после отделения церкви от политического сообщества, которое также произошло в 1923 году. В рамках работы музейного сообщества Иммануил Вагнер прочитал множество презентаций по истории Сараты и Бессарабии, часть из которых также были опубликованы.

Автор некролога, обозначенный только сокращением "H.W.", который появился в "Kalender 1949. Jahrbuch der Deutschen aus Bessarabien und der Dobrudscha" (Календарь 1949. Ежегодник немцев Бессарабии и Добруджи), описал свои личные воспоминания о человеке, который умер 19 декабря 1946 года в Маульбронне, Вюртемберг, и был похоронен в Корнтале: "Я помню приятные часы, которые я часто проводил в гостеприимном доме Иммануила Вагнера. Для него всегда было особым удовольствием показать посетителям сокровища своего святилища, Бессарабского музея, которые он с любовью собирал и бережно хранил. Он мог часами рассказывать о свидетелях нашего исторического прошлого - старых пожелтевших рукописях, утвари времен первого поселения, народных костюмах с исконной швабской родины и тому подобном. Музей был делом всей его жизни, к которому он привязался всеми фибрами своей души. Где он находится сегодня? Унесенный ветром!

Что означает Сарата для нашего поколения?

Хильтруд Ельберт-Фано (Hiltrud Elbert-Fano)

Перед нашим поколением стоит задача, чтобы память о наших предках сохранилась. Этой статьей я пытаюсь дать голос моему поколению.

Сарата - что значит для меня Сарата? Уже в детстве я была очарована рассказами моих родителей, бабушек и дедушек о Бессарабии и Сарате, о бескрайней степи, огромных виноградниках, чудесных фруктах, об их преданиях и ритуалах, которые были необходимы для сплоченности общины.

Именно это происходило со мной и многими другими представителями послевоенного поколения, когда родители, бабушки и дедушки рассказывали нам, "как это было раньше". В детстве у человека были свои представления о тогдашней жизни, он представлял себе это место во всех его оттенках. Восторг старцев - возможно и прославление(?) - передавалось нам и питало желание погрузиться в этот мир.

Когда они говорили о мирном проживании с другими этносами, о культурном разнообразии, в котором различные народности друг у друга учились и извлекали пользу, в моем сознании открывался экзотический, к сожалению, недостижимый идеальный мир.

В кулинарном плане я связана с Бессарабией с самого детства. Многонациональные бессарабские блюда, такие как борщ, паровые пампушки, штрудели, голубцы, мамалыга..., которые готовили мои бабушка и мама, также являются "изюминкой" для моей семьи. И многие ритуалы, такие как празднование Сочельника или Пасхи со свежей зеленью пасхи, выращенной из семян ячменя, продолжают жить в моей семье.

Для меня и многих других потомков Сарата постепенно стала близкой, возникла эмоциональная привязанность к этому краю.

Для некоторых Сарата превратилась в место мечты, о котором никогда не было бы известно из-за холодной войны. Когда в начале 90-х годов прошлого века пал железный занавес, возможностью посетить родину бессарабских предков пользовались и пользуются до сих пор, причем неоднократно. Некоторый первоначально неуверенный контакт с кем-то из жителей Сараты с годами перерос в интенсивную дружбу.

Сарата всегда занимала особое место среди общин, основанных в Бессарабии немецкими переселенцами. Яркие харизматические личности, такие как основатель села пастор Игнац Линдл, купец Кристиан Фридрих Вернер, который завещал большую часть своего состояния общине Сарата, а также первый староста Готлиб Фейгель, строгий организатор и администратор, сформировали село и помогли ему достичь первого экономического подъема. Мы обязаны выразить уважение и благодарность этим людям.

Обзор нынешнего музея Сарата. На переднем плане Хильтруд Эльберт-Фано (слева) с бывшим редактором газеты "Сарата" Светланой Искендеровой.

Первое педагогическое учебное заведение, носящее имя Вернера, богатая культурная жизнь, первый немецкий врач, первая больница, а также "дом милосердия" (Alexanderasyl), а также поселение ремесленников и промышленников сделали Сарату экономическим и культурным центром Бессарабии. Стратегически расположенная на "Почтовом тракте" и имеющая железнодорожное сообщение, Сарата превратилась в важный рыночный город и стала местом встреч.

Позже Иммануил Вагнер основал в Сарате "Музей истории культуры немецких колонистов Бессарабии", который после переселения, войны и бегства был восстановлен как "Музей немцев из Бессарабии" в Штутгарте.

Интерес к музею, Сарате и Бессарабии в целом не ослабевает, о чем свидетельствуют многочисленные организованные и частные поездки. Во всех поездках по Бессарабии обязательна остановка на площади перед восстановленной церковью в Сарате, "Собором в степи".

Что осталось от Сараты? Немцы ушли, пришли и поселились чужаки. Здания в основном развалились или были снесены. Для наших матерей и отцов остались только воспоминания о том времени и любовь к этому месту, к этой земле. Осталась лишь привязанность к старой родине, которая часто передается детям.

Экскурс: слово "Родина" имеет разные значения и трактовки. Это термин охватывает совершенно разные аспекты. Наименьшим общим знаменателем различных концепций Родины, скорее всего, является то, что знакомо, в отличие от того, что чуждо.

Сейчас среди молодого поколения можно наблюдать растущий интерес к личной истории. Люди ищут свою собственную идентичность. Молодые люди хотят знать,

откуда родом их родители, деды и бабушки. Но жажда странствий и желание путешествовать также побуждают их отправляться в неизведанные ранее регионы. Интернет облегчает подготовку к путешествию.

Благодаря моему двухлетнему пребыванию в Бессарабии (Измаил 2005-2007) в рамках программы командирования учителей Федерального административного ведомства BVA, у меня была возможность достаточно хорошо узнать страну и ее народ, а заодно и сегодняшнюю Сарату. Прежние фантазии и существующая реальность не совпадали, но ландшафт, широкое небо и структура поселка совпали с моими ожиданиями. И каждый раз, проходя по улицам, через рынок или заросшие сады, я вспоминала рассказы и эпизоды, которые происходили на рынке, в садах и т.д., и так я смогла составить довольно точную картину жизни моих родителей, бабушек и дедушек в их родном селе.

Хотя свободное время можно было с комфортом провести в Измаиле, маленьком симпатичном городке в дельте Дуная, меня все время тянуло обратно в Сарату. Это было похоже на возвращение домой. Не только ностальгические чувства и оглядывание назад, но и добрые, открытые люди и друзья, которых я приобрела, привязали меня к этому месту и до сих пор привязывают.

Однако не только потомки бывших бессарабских немцев со всего мира интересуются землей своих предков. Между тем, есть достаточно "фаворитов Бессарабии", которые с энтузиазмом относятся к этому историческому уголку - Буджаку, с его обширным степным ландшафтом и проживающим здесь гостеприимным населением. Они едут туда снова и снова и вникают в суть - при необходимости.

Для формирования мирного будущего важны встречи: хорошим примером являются проекты с учениками школы Георга Гольдштейна в Бад-Урахе и студентами из Измаила и Одессы. Одно из мест встречи - Тарутино в Бессарабии. Там завязались дружеские и даже любовные отношения.

Сарата - это также точка, где снова возможны встречи. Поселок стратегически расположен на международной трассе M15, которая соединяет Одессу с Измаилом.

Украинские идеалисты и прагматики размышляют о развитии "зеленого туризма" в живописной Бессарабии. В дополнение к морскому туризму, живописные красоты, природа, разнообразная история и культура должны стать доступными для образованного гражданина. В региональном масштабе Сарата планируется как туристический центр.

В этом контексте современный, надрегиональный Бессарабско-немецкий музей не должен быть упущен как мемориальное учреждение, где информация, знания и иллюстративный материал, касающиеся немецкого основания села и бывшего немецкого присутствия, собираются, сохраняются, представляются и предоставляются по мере необходимости (например, для научной работы).

Сарата - идеальное место для надрегионального музея. Инфраструктура обеспечивает наилучшие условия для встреч между всеми этническими группами, и Сарата может снова стать местом общения, знакомства и понимания, местом, где может вырасти

трансграничная взаимная признательность, что послужит мирному сосуществованию в будущем.

Некоторое время назад наш покойный федеральный председатель Гюнтер Фосслер уже высказывал идею сделать подарок Сарате к ее 200-летию, чтобы ассоциация поддержала общину в сохранении и управлении ее культурным наследием в музее, отвечающем современным стандартам.

"У Сараты есть будущее, потому что она наконец-то заинтересовалась своим прошлым...", в этом уверена мэр Сараты Виктория Дмитриевна Райчева, о чем мы узнаем из отчета о праздновании 199-й годовщины в Сарате в журнале "Mitteilungsblatt", выпуск 7, июль 2021 года, страница 12. И далее на странице 13 мы читаем призыв и обещание саратского бизнесмена: "...давайте восстановим то, что еще можно спасти. Я буду первым спонсором".

Если мы хотим, чтобы отношения с Саратой оставались живыми и развивались, мы должны поддерживать наших друзей в их процессе развития - в любой форме - в их усилиях сделать историю прозрачной и в их стремлении к инновациям и подъему. От этого выиграет не только Сарата, но и весь регион.

Таким образом, мы также можем сохранить память о наших бессарабских предках. Это много значит для меня и, я уверена, для многих других.

Историко-культурное наследие Сараты как основа развития туризма

Любовь Клим

В 2022 году Сарата отмечает 200-летие со дня основания. История поселка делится на два основных периода – первый с немецкой народностью и последующий без неё. Здесь 118 лет работали, творили и развивали поселок немцы-колонисты, основатели и их потомки. И уже 82 года в Сарате живет и работает многонациональная общность бессарабцев и тех, кто приехал сюда жить из других регионов бывшего СССР.

Сарата все больше возвращается к своим истокам, ко времени, сформированному немцами. Почему это происходит? Ведь немцы Сараты – не наши предки, мы не их потомки в прямом смысле. Но для каждого человека важно знать, что было до него, кто строил эти дома, как жили эти люди, о чем мечтали? Многие сюда приехали, тоже оставив где-то свои дома, или утратив все в тяжелые годы … Но всех нас, и первых строителей и современных жителей объединяет место где мы жили и живем, наша малая родина - Сарата, которую мы любим одинаково и желаем ей развития и процветания.

История Сараты, немцев-колонистов нам очень близка. К тому же она увлекательна. Во-первых, это глубокое духовное измерение, национальные традиции. Далее – образование, культура, медицина, аграрное и предпринимательское развитие.

В период независимости Украины (последние 30 лет) мы открываем эту историю благодаря нашим друзьям – немцам Бессарабии, которые сохранили ее и доносят до нас. А что мы с этим можем делать? Во-первых, распространять, во-вторых беречь память, и в-третьих, – учиться. Именно этим в последние годы занимается общественность Сараты при поддержке местных властей.

Оказалось, что история немцев вызывает большой интерес не только у местных жителей. Поэтому направление развития исторического туризма для Сараты очень важно. Оно имеет хорошие перспективы развития потому, что в последние годы туристическая отрасль в Бессарабии начала активно развиваться и здесь Сарата должна занять свою нишу, добавить свою особую, оригинальную страницу. Первые шаги уже сделаны – общественность уже привержена мнению, что это достойно внимания, а туристы, несмотря на отсутствие материальных вложений в туристическую отрасль, с увлечением вникают в историческое прошлое Сараты. Мы планируем и постепенно двигаемся вперед. Что успели сделать за последние годы?

Начали с обсуждения исторического наследия поселка Сарата, формирования общественного мнения, поиска интересных идей, современных комплексних подходов в реализации наших замыслов. Эта работа осуществлялась на научных конференциях, общественных форумах, обучающих семинарах и посредством участия в исследовательских проектах. *

---

*- В 2017 году в Сарате провели научно-практическую конференцию, посвященную 195-летию основания поселка Сарата и 500-летию Реформации, на тему: «Основание поселения Сарата, как реализация реформаторского «Апостольского проекта» христианской общины Игнаца Линдла», где были рассмотрены также вопросы развития туризма в пгт. Сарата.

– 26 декабря 2018 г. в г. Измаил прошла итоговая конференция «Материальная культура немецких поселений юга Бессарабии» по исследованиям, проведенным в бывших немецких колониях юга Бессарабии. Выступил представитель Сараты.

- 8 апреля 2019 г. Гуманитарная научно-практическая конференция «Немцы Бессарабии: исторические и лингвистические перспективы» в Одесском национальном политехническом университете, где с докладами выступили активисты Сараты.

- 5 июня 2019 года в г. Одесса в помещении 4City прошел форум «Немцы Бессарабии и их историко-культурное наследие». Организаторы форума: городское пространство 4City, Саратское межнационально-культурное общество «Злагода», Сарата, БФ «Каритас Одесса УГКЦ».

Уасники форума «Немцы Бессарабии и их историко-культурное наследие». г. Одеса, 2019 г.

Дальше мы начаи мечтать, как можно представить историческое наследие Сараты. Был первый проект нарисованный местным художником. А дальше нашли поддержку у специалистов – архитекторов. Теперь тесно сотрудничаем с Ассоциацией архитекторов Одессы. Так, совместно с Саратским поселковым советом и Саратским межнационально-культурным обществом «Злагода» был проведен успешный експеримент применения соучаствующего (патиссипаторного) проектирования. На первом этапе была представлена Концепция возрождения культурно-исторического наследия Сараты. Презентация получила положительный отклик от местного населения и была дополнена различными предложениями.

В результате обсуждения выбрали первые локации для проектирования: площадь Патриотов, имевшая историческое название Маркетплатц (Marktplatz); Соборная площадь, расположенная у кирхи, одного из первых культовых сооружений в Бессарабии; улицу Кристиана Вернера, названную в честь мецената и одного из основателей Сараты. Эти площади и улица образуют историческое ядро Сараты и были заложены немецкими колонистами в начале XIX века. В 2019 г. архитектором В. Халиным выполнен предпроект реновации площади.

Проект реновации центральной площади Сараты

http://www.aao.com.ua/sarataplatz/?fbclid=IwAR2OQF1OX-Nt7W5XIdnWv5fBNHNmiFktyJD9F6msc67mRbcDHSog6lq5EsY

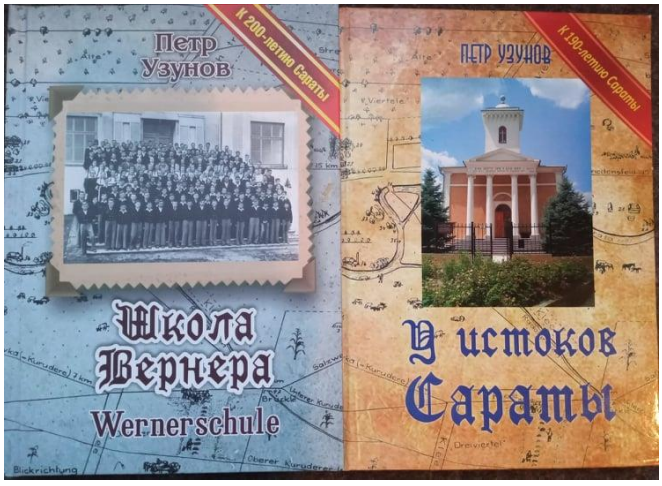
http://www.aao.com.ua/participatory-design/?fbclid=IwAR2oiVsEnASgjcx9HTouRTghKM8Er6Bvs_c9xUny6w9vucNf1KLxJSGgZBA

В 2018 году Саратский поселковый совет совместно с общественной организацией «Злагода» изготовил и установил в поселке Сарата семь информационных стендов в исторических местах, которые могут представлять интерес для туристов. В 2022 году планируется установить еще пятнадцать таких стендов на других объектах. Внедрение такой практики информирования наших граждан и гостей поселка делает более доступным и наглядным исторический материал, говорит о преемственности поколений и вызывает чувство гордости. Жители, узнав историю своего дома, стараются соханить их аутентичный вид.

В сентябре 2018 года общественная организация «Злагода», при поддержке Саратского поселкового совета, совместно с общественностью, предпринимателями перенесли на лютеранское кладбище 105 надгробных плит, которые до этого находились за пределами кладбища. Восстановленное таким образом лютеранское кладбище теперь существует как объект памяти, сюда постоянно приезжают туристические группы.

Есть планы создания на этом месте мемориального парка. В 2021 году здесь были посажены дубы и сосны.

Фото: Подготовленные макеты 2021 года.



20 марта 2021 года, 199-й День рождения Сараты, ознаменовался важным культурным событием. Была издана и презентована вторая книга трилогии по истории Сараты, "Школа Вернера", - посвященная славной истории этого первого высшего педагогического учебного заведения в Бессарабии. Автор – Петр Узунов, писатель, житель Сараты и исследователь ее истории. В юбилейном 2022 году издаётся третья книга П. Узунова «Храм в степи». Напомним, что первая книга этой трилогии, «У истоков Сараты», вышла в 2010 году, уже три раза издавалась и пользуется большой популярностью.

В 2021 году Саратская территориальная община приобщилась к комплексному и профессиональному подходу по развитию туризма. Предприняты первые шаги по изучению возможностей сегодняшнего дня и перспектив развития.

Фото: Участники «круглого стола», октябрь 2021 г.

8 октября 2021 г. в Саратской поселковой публичной библиотеке состоялся круглый стол на тему «Пути развития туризма в Саратской территориальной общине», организованный Саратским поселковым советом и ОО Саратское межнационально-культурное общество «Злагода». В форуме приняли участие руководство общины, старосты сел, руководители домов культуры, заведующие музеями, историки-краеведы, представители бизнеса и других сфер из Одессы и всего юга Бессарабии, связанных с развитием туристической деятельности.

https://www.facebook.com/groups/846175259548748/posts/1042370753262530

Фото: Студенты и преподаватели университетов г.Регенсбург (Германия) возле Саратского музея. Май 2019 г.

В настоящее время идет работа над формированием официальной стратеги развития туристической сферы Саратской ОТГ.

В 2022 году отмечаем еще одну славную дату – 100-летие основания музея немцев Бессарабии. Мы гордимся тем, что такой важный культурный объект был создан в Сарате.

Существующий Саратский историко-краеведческий музей берёт в пример организацию музейного дела в первом музее бессарабських немцев. Сейчас наш скромный небольшой музей привлекает все большее количество жителей и гостей. Популяризуя историю края и поселка, он выходит за пределы свого помещения. Теперь экскурсии часто проходят прямо на улицах, у домов и знаковых мест.

В музее (до пандемии короновируса) наблюдался рост массовых мероприятий, постоянно организовывались выставки. Увеличивалось количество групп посещающих нас, в том числе и иностранных (Болгария, Молдова, Германия), были посетители из Польши, Беларуси, Израиля, Бразилии, приезжали ученные из США, Румынии, Одессы, Измаила. В музее постоянно бывают делегации из Общества бессарабських немцев Германии.

Музей нуждается в ремонте и реконструкции. Есть планы изменить контент музея, добавив в экспозицию – историю немцев Бессарабии.

Поэтому впереди еще много работы, которую необходимо выполнять правильно, с учетом рисков и тенденций современного общества. Развитие туристической отрасли в ОТГ будет способствовать сохранению историко-культурного наследия, даст хорошую поддержку молодым местным предпринимателям для создания нових туристических локаций, укрепит существующее международное сотрудничество и создаст новое. С этими тенденциями мы связываем дальнейшее развитие Сараты.

Любовь Клим – заведующая музеем, член общества «Злагода»,
Сарата, Украина.

Швейцарская колония Шабаг- Шабо, год основанния 1822

Инго Рюдигер Изерт (Ingo Rüdiger Isert)

Подготовка и переезд в Бессарабию

К югу от Аккермана, на правом берегу Днестровского лимана, находились запущенные виноградники турецкого периода и поселение с турецким названием "Аша-Абаг", что означает "Нижние сады". Изначально это было старое молдавское село, которое после 1812 года было поглощено притоком других групп населения. Так в 1820 году здесь уже проживало 275 человек, 172 украинца и 103 молдаванина. Но у новых жителей было мало опыта в виноградарстве, и видимые успехи не произошли.

Два самых старых письменных источника о намерениях швейцарцев поселиться в этом районе - это письмо Л.В. Тардента от 19 декабря 1819 года генералу Бахметьеву, тогдашнему губернатору Бессарабии, и сразу после него, вероятно, как результат этого письма - письмо Ф.К. де ла Гарпа от 22 декабря 1819 года русскому царю Александру I. В обоих письмах было сделано предложение о рекультивации виноградников виноделами из кантона Вауд. (Ф.К. де ла Гарп был воспитателем будущего царя Александра I с 1784 по 1794 год и советником царя с 1814 по 1816 год, и, в частности, на Венском конгрессе в 1815 году).

Группа людей, желающих эмигрировать, собралась в Веве у Женевского озера и решила, что Луи Винсент Тардент должен отправиться в Россию, чтобы обследовать местность. Тардент отправился осенью 1820 года через Марсель и Константинополь в Одессу, установил контакт с официальными лицами и осмотрел намеченный участок земли. В Швейцарию он вернулся только 2 апреля 1822 года и сообщил о положении дел. На собрание пришло много людей, но лишь немногие согласились эмигрировать.

В воскресенье 21 июля 1822 года крытый фургон отправился из Лозанны, а по дороге к нему присоединились люди из других мест. В итоге получилась группа из четырех фургонов, в которых в общей сложности находилось 27 человек, но распределялись они очень неравномерно, так как каждая семья или человек ехали за свой счет. Садовод Генри Цвикки даже прошел весь маршрут пешком рядом с колонной.

Путь в Бессарабию пролегал через Швейцарию, южную Баварию, Австрию, Моравию и Галицию. В Кишиневе их принял генерал-губернатор И.Н. Инзов. 11 ноября 1822 года (30 октября 1822 года по старому стилю) они достигли Аккермана, пройдя расстояние более 2100 км. Дорога заняла 3 месяца и 21 день, т.е. 113 дней. На мсте они были размещены в частных квартирах в течение зимы 1822/23 года.

Основание швейцарской колонии Шабаг

На местности Аша-Абаг (вскоре франкоязычные колонисты сократили его до "Шабаг", а русские и немецкие - до "Шабо") власти наметили план будущего села: несколько улиц должны были идти параллельно Днестровскому лимана, первая из которых тянулась на север от существующей православной церкви и была длиной около 600 м и шириной 30 м. Там должны были разместиться 120 хозяйств площадью 45 соток каждый. Каждая семья швейцарцев должна была получить 60 десятин земли и около 2 десятин виноградников. Для этого заранее было зарезервировано 36 виноградников. Дюжина существующих домиков, некоторые из которых были построены не местными жителями без официального разрешения, по распоряжению губернатора должны были быть проданы колонистам за 20-30 рублей. Эти жители были вынуждены покинуть село.

Расширение швейцарской колонии до 1831 года

После того, как колонисты поселились на своих местах, все лето 1823 года было посвящено работе на виноградниках, ремонту старых и строительству новых домов. Во время сбора винограда в сентябре 1823 года граф Воронцов посетил молодую колонию, выразил свое благоволение и даже заказал вино для своего погребка.

В последующие годы из Швейцарии прибыли ещё колонисты, но их было слишком мало, чтобы довести колонию до её намеченного размера. Ощущалась нехватка рабочей силы. Тардент переписывался с родиной, приглашал поселенцев и описывал положение на Днестровском лимане весьма красочно: он обращался к уважаемым землевладельцам, желающим обрести процветание без поиска его за океаном. На этой земле самая благоприятный климат, фруктовые деревья растут удивительным образом, она дает много хлеба, в который не нужно вкладывать много труда. Эффект от рекламы был слишком малым.

28 октября 1828 года колонию посетили трое высоких русских чинов: граф Воронцов, генерал-губернатор Юга России, князь Волконский и генерал Инзов, председатель Попечительного комитета. Они осмотрели колонию и, поскольку в ней было слишком мало колонистов, сократили ее площадь вдвое - до 4000 десятин.

При отходе русских войск после войны с Турцией 1828-1829 годов в Бессарабию была занесена чума, которая охватила и Шабо. Было время, когда оставалось только трое здоровых мужчин, которые еще способны были хоронить мертвых.

Помимо смертей, население Шабо уменьшилось из-за обратного отезда нескольких семей в Швейцарию.

Период стабилиации общины (1831 – 1871 гг)

Новый период начался в 1831 году и связан с первыми выборами Якоба Гандера на должность старосты и продолжался до отмены статуса колониста в 1871 году.

С 1832 по 1836 год новых пополнеий не было. Поэтому администрация Шабо была вынуждена принять в свою общину немецкоязычных швейцарцев, а затем и самих немцев. Это положило конец прежнему единообразию в языке, религии и национальности и вызвало обширные трения, продолжавшиеся до 1940 года.

Попечительный комитет сообщил жителям Шабо, что они должны принять 20 немецких семей, чтобы достичь желаемого числа в 60 семей. Но в 1840 году прибыли 33 немецкие семьи, которым пришлось отказаться от своей колонии Карлталь под Одессой. Их поселили не в селе Шабо, а в маленькой долине Акембет, которая тоже принадлежала общине. Последовали письма протеста в Попечительный комитет, и с помощью адвоката в Одессе жителям Шабо удалось добиться переселения "Карлтальцев", которые в 1842 году основали село Hoffnungstal как последнюю немецкую материнскую колонию.

С 1829 года в Шабо существовала церковная школа, где учителями работали франкоязычные колонисты. В 1839 году немецкоязычные семьи, появившиеся в это время, захотели иметь учителя немецкого языка, что привело к конфликту, который завершился компромиссом только в 1841 году.

В сентябре 1843 года учитель Франсуа Луи Буньон приехал в Шабо из кантона Вауд и столкнулся с плачевным уровнем образования. В короткое время он добился того, что многие дети научились читать, писать, хорошо петь и немного считать. Буньон преподавал на двух языках. Из 13 учеников 7 говорили на французском языке и 6 - на немецком.

Буньон отправился в Швейцарию, чтобы пройти обучение и получить сан пастора. 6 января 1846 года он вернулся в Шабо и теперь совмещал работу учителя и пастора.

В день Вознесения 1846 года состоялась долгожданная закладка фундамента церкви. После торжественной проповеди на французском и немецком языках в кругу реформатов, лютеран, православных и иудеев в фундамент были заложены несколько монет и письмо. Строительство церкви было завершено через год и два месяца, а освящение было назначено на 21.09.(03.10.)1847г. Дискуссия о том, что должно быть на церковной башне, был разрешён соломоновым способом: петух реформаторов был помещен на лютеранском кресте.

После ухода Буньона в 1854 году Шабо снова пришлось в течение многих лет приглашать пасторов из ближнего и дальнего окружения.

Шабо в период процветания (1871 – 1918гг)

1871 год стал годом серьезного перелома в жизни всех колонистов в России. Привилегии, которые они получили при поселении и которые также были связаны с определенным самоуправлением, были отменены.

В этот период Шабо испытывало период экономического процветания. Это подчеркивают все летописцы. Пахотные земли были значительно расширены или приобретены за пределами территориальных границ. Так, один колонист Шабо к 1888

году практически на пустом месте приобрел около 100 гектаров виноградников и 600 гектаров земли. Другой колонист перевозил свое вино на парусных судах в Херсонскую губернию, чтобы продать его дороже, чем в Шабо. Виноград и вино были самой важной тоарной продукцией для Шабо.

В одесских календарях с 1892 по 1905 год Шабо описывается как "летняя здравница, прекрасное место с чистым воздухом". Перед 1-й мировой войной на лечение виноградным соком приезжали тысячи гостей, в основном из Одесской области, но также и издалека, например, из Санкт-Петербурга, и привозили сюда большие деньги. В это время в Шабо работал свой врач. Для купания люди ездили в Бугаз на берег Черного моря, где были построены как простые так и комфортабельные дома для отдыха.

Дочерние поселения Шабо на Днепре

Около 1890 года до Шабо дошла информация о том, что на берегу Днепра, недалеко от города Херсона, есть песчаные дюны. Ранее эта земля считалась непригодной для земледелия. Многие жители Шабо приобрели там большие участки земли, и с 1892 по 1909 год были основаны дочерние поселения: Основа, Британи, Ключевое (Quelledorf, 310 дес.), Ной-Судаки, Луговое (Wiesenfeld, 277 га) и Ной-Шабо (1 070 дес.). По опыту жизни в Шабо они посадили виноградники и фруктовые деревья. Например, в период с 1899 по 1906 год один шабовец завез на Днепр в общей сложности 243000(!) саженцев винограда. Другой шабовец в 1917 и 1918 годах произвел по 450000 литров вина. Октябрьская революция 1917 года привела к коллективизации сельского хозяйства, что вызвало экономический крах дочерних поселений. Результатом этого стали голодные годы (1920/23 и 1933/34). Некоторым людям удалось бежать обратно в Шабо. Большинство из них рассеялись, погибли или затерялись на просторах Советского Союза.

Шабо в румынский период (1918 – 1940гг)

Время после Первой мировой войны было очень трудным для Шабо. Благодаря своему периферийному расположению вблизи восточной границы новой Великой Румынии, Шабо стало пограничным селом: приграничная станица без пограничного перехода. "Железный занавес" теперь блокировал культурную и, прежде всего, важную до сих пор экономическую связь на восток с крупным городом Одессой. Поставлять экономическую продукцию, особенно вино, в обратном направлении, на запад, было сложно, потому что в Румынии его было достаточно.

10 ноября 1922 года под руководством Жоржа Жиро прошло празднование столетнего юбилея Шабо. Торжества были очень скромными из-за сложной экономической ситуации после Первой мировой войны.

Посетила Шабо и румынская королевская семья: 23 мая 1920 года король Фердинанд с королевой Марией и 20 июня 1937 года король Кароль II, который увековечил себя надписью на стене в погребе Жана Тевеназа.

Хотя экономическая мощь Шабо сильно страдала в румынский период, тем не менее, развивались многочисленные культурные проекты. В Шабо с 1919/20 года работал французский детский сад, а с февраля 1922 года - немецкий (первый в бессарабско-немецких общинах!). Помимо двуязычной начальной школы, в прекрасном здании разместилась и средняя школа. Перед Первой мировой войной детей отправляли для дальнейшего обучения в Аккерман и Одессу, а теперь в Трансильванию и Тарутино.

Основанный в 1919 году духовой оркестр, небольшой камерный оркестр и в 1928 году основанный охотничий клуб "Фидель" принимали членов из всех этнических групп. Напротив, союзы "Альянс Франсе" и "Аврора" с соответствующими подразделениями были очень национальными. Французский и немецкий хоры также были раздельными, но дирижером обоих хоров был Жорж Жиро.

Шабовцы были известны тем, что помимо тяжелой работы находили время для развлечений и отдыха. Это были балы-маскарады, театральные представления, катание на коньках по лиману зимой и на лодках летом, игры в крокет, боулинг, ежегодный праздник шашлыка и, прежде всего, длительное пребывание в Бугазе на черноморском побережье, как правило, в собственных домиках.

Последние годы истории Шабо (1940 – 1945гг)

В ультиматуме от 27 июня 1940 года Советы объявили, что перейдут границу Бессарабии 28 июня. В Шабо эта новость пришла в телеграмме в тот же день. Группа из 41 человека, которая чувствовала себя в особой опасности, решила немедленно бежать, за ночь собрала свои вещи, отправилась поездом в Бухарест и прибыла туда 2 июля.

После обращения швейцарского представительства в Бухаресте к Советскому Союзу, другой группе (33 человека), все еще имевшей швейцарские паспорта, было разрешено покинуть страну. За 2 часа они были вынуждены собрать свои вещи и эвакуироваться из Бугаза на корабле "Пелеш".

По состоянию на 10 октября 1940 года 637 человек были отправлены в Германию по линии Немецкой комиссии по переселению.

После отъезда большинства жителей Шабо в Румынию, Швейцарию и Германию, в посёлке осталось на удивление много людей, в основном франкоязычных швейцарцев: в одном источнике упоминается 38 чекловек, а в другом - 46.

В июле 1941 года румынские войска оккупировали Бессарабию. Весной 1942 года в Шабо вернулись швейцарцы, оставшиеся в Румынии, а весной 1943 года - 64 человека, находившиеся в немецком переселенческом лагере Ратибор (Верхняя Силезия).

Теперь в Шабо проживало 140 человек, вместе с вернувшимися и оставшимися. Это был лишь краткий луч надежды для бывшей колонии Шабо. 23 марта 1944 года Шабо пришлось эвакуировать перед возвращающейся советской армией. В Шабо осталось всего несколько человек, судьба которых оказалась трагической.

Рис. 1: Средняя школа и церковь на заднем плане

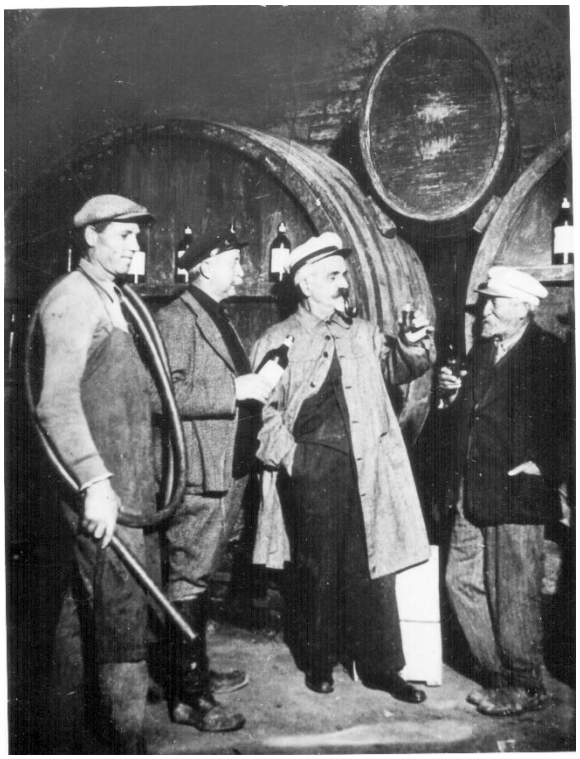
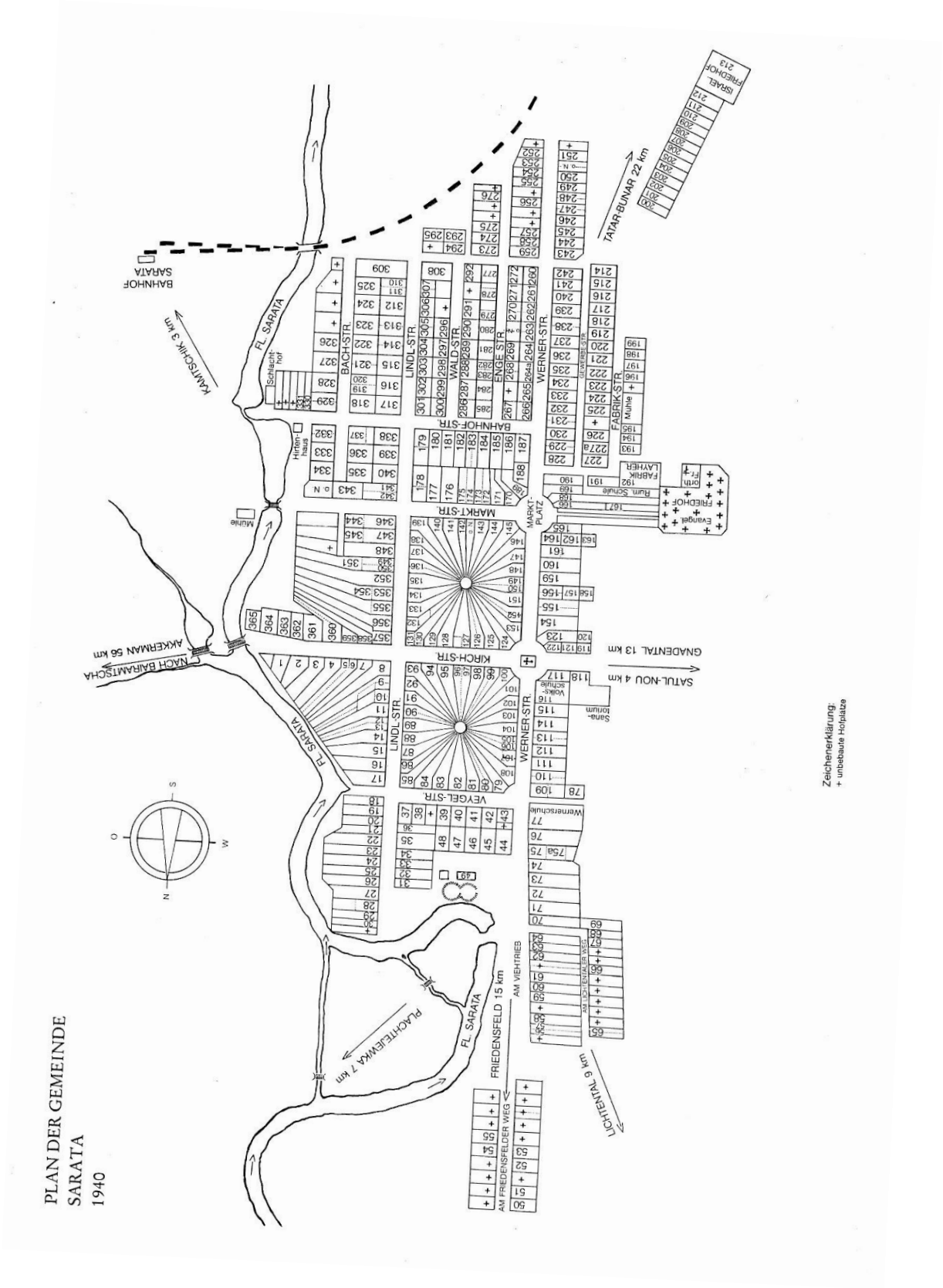


Рис. 2: Дегустация вин в погребе Жоржа Жирода.

Рис. 3: Винные этикетки винодела Якоба Вагнера.

План общины Сарата 1940 г



Отпечаток (Impressum)

Herausgeber:
Bessarabiendeutscher Verein e.V.
Florianstrase 17, D-70188 Stuttgart
Telefon: +49 711 440077-0
E-Mail: verein@bessarabien.de

Verfasser der Beiträge:
Johannes Moosdiele-Hitzler, Thomas Kruger, Anne Seemann, Hartmut Knopp, Hans Rudolf Wahl, Heinz Fies, Olaf Schulze, Hiltrud Elbert-Fano, Liubov Klym, Ingo R. Isert

Verantwortlich im Sinne des Presserechts:
Brigitte Bornemann, Bundesvorsitzende des Bessarabiendeutschen Vereins e. V.

Fotos:
Bildarchiv des Bessarabiendeutschen Vereins, Stuttgart
Kulturhistorisches Museum Sarata, Ukraine

Titel:
200 Jahre Sarata – Bessarabien im Wandel. Festschrift zum 45. Bundestreffen des Bessarabiendeutschen Vereins am 19.06.2022 im Kiursaal Bad Cannstatt, Stuttgart.

Erschienen im Selbstverlag, Auflage: 1.000 Exemplare, Juni 2022

Übersetzung ins Russische:
Viktor Fritz, Pforzheim, und Pjotr Uzunow, Sarata
Erschienen als PDF, September 2022
URL: https://www.bessarabien.de/upload/200-jahre-sarata-festschrift_rus.pdf